

ОГОНЁК

№ 30 ИЮЛЬ 1967

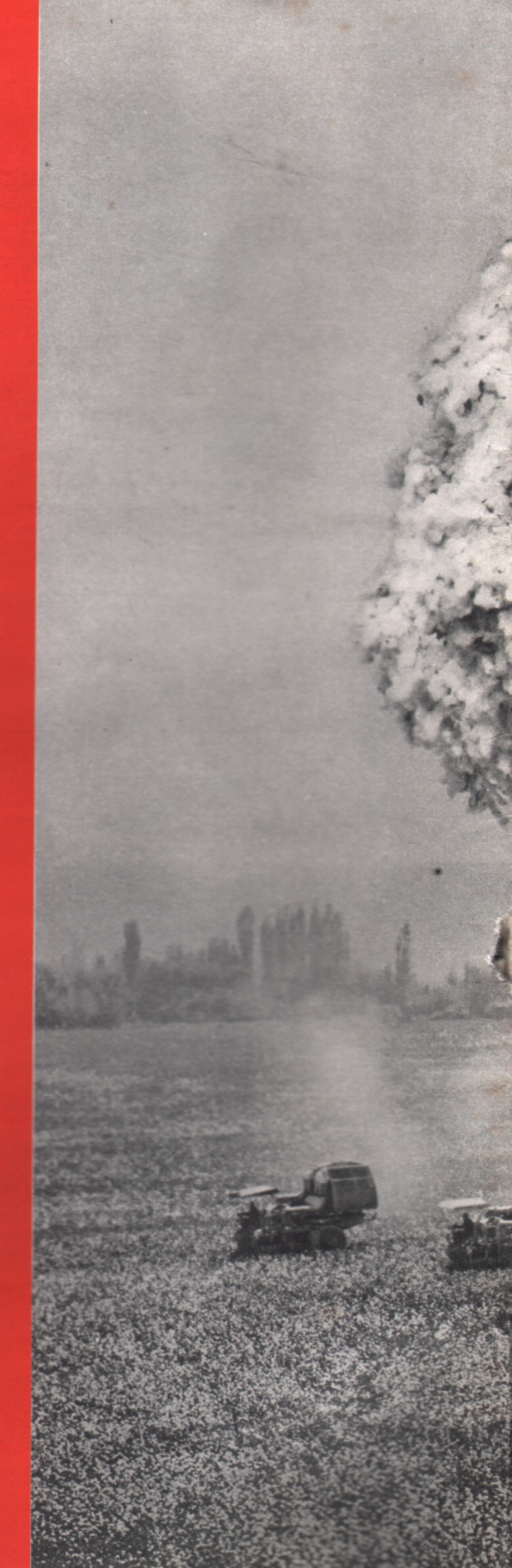
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХУШ КЕЛИБСИЗ ЎЗБЕКИСТОНГА!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УЗБЕКИСТАН!

В советском обществе утвердились отношения равенства, дружбы и сотрудничества наций и народностей, созданы прочные основы для дальнейшего их расцвета и сближения.

Из Тезисов Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»

УРОЖАЙ.

Фото Дм. Бальтерманца.

ТВОИ ШАГИ, ГОД ЮБИЛЕЙНЫЙ!

С гордостью за дела свои прочитали советские люди Сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в первом полугодии 1967 года». Языком цифр раскрывает это Сообщение величие свершений миллионов тружеников нашей страны, выполняющих и перевыполняющих свои обязательства во всенародном соревновании в честь предстоящего пятидесятилетия Советской власти.

Промышленность перевыполнила план первого полугодия как по общему объему производства, так и большинству важнейших видов изделий. Сверх полугодового плана выпущено продукции более чем на четыре миллиарда рублей. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года выпуск промышленной продукции возрос на 10,6 процента. Уверенной поступью шагает год юбилейный, советская индустрия берет новые рубежи не только по количественным, но и важнейшим качественным показателям: перевыполнен полугодовой план повышения производительности труда, на 20 процентов возросла прибыль, справились работники промышленности и с заданием по снижению себестоимости.

Отрадно, что в авангарде идут те предприятия, которые перешли на новую систему планирования и экономического стимулирования. К концу полугодия их было свыше 3 600.

Несмотря на неблагоприятную весну, колхозы и совхозы организованно провели сев яровых культур. Намеченный хозяйствами план сева перевыполнен. Во многих районах труженики сельского хозяйства уже начали уборку зерновых.

В гору идет советская экономика, и это ощущает каждый из нас. Улучшается жизнь народа, повышается его материальное благосостояние. За минувшие полгода особенно возросла продажа мяса и мясных продуктов, фруктов, трикотажных изделий, телевизоров, пылесосов, легковых автомобилей.

Трезво оценивая одержанные победы, вскрывая имеющиеся еще недостатки, неиспользованные резервы — и о них говорится в Сообщении ЦСУ,— советские люди приложат все усилия, чтобы достойно встретить 50-летие Октября.

На снимке: Магнитогорский металлургический комбинат. Он тоже внес свой вклад в перевыполнение плана производства металла.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

45-й год издания

№ 30 (2091)

23 ИЮЛЯ 1967

МАР

Закончился V Московский международный кинофестиваль. Фильмы, выразившие наиболее глубоко и талантливо любовь к человеку, заботу о нем, получили призы и медали.

Как всегда, самыми напряженными, самыми насыщенными были последние дни.

...События мелькали перед глазами с быстротой кинокадров. Первостепенные и маловажные, они все вместе и составляли ту особую атмосферу — праздничную, торжественную, деловую, дружественную, непринужденную, без которой нельзя представить себе кинофестиваль!

Большим праздником закончился фестиваль детских фильмов.

В отличие от остальных конкурсов здесь было два официальных полноправных жюри: кинематографисты и дети. После просмотра они опускали в ящик карточки, отмечая в них «понравилось», «не понравилось» или «очень понравилось».

С утра и до позднего вечера в вестибюле гостиницы «Москва» дежурили фотографы. Мир хочет видеть Московский фестиваль — его улыбки, встречи, дискуссии...

Таню Тимгад мы запомнили по алжирскому фильму «Ветер Ореса» и, услышав, как ее спутник говорил с кем-то по-чешски, решили, что такую группу снять для журнала совсем неплохо. «Чех» оказался режиссером этого первого алжирского художественного фильма Мохаммедом Лакдар Хамина. Несколько лет назад он про-

НА ФИНИ

IV юбилейная Спартакиада народов СССР, прокатившаяся по всем стадионам страны, к половине июля избрала своей резиденцией Москву и Ленинград. Здесь развернулись решающие события. В Ленинграде прошел финал X Всесоюзной спартакиады школьников, которая входит в зачет IV Спартакиады народов СССР. В Москве встретились сборные команды 15 союзных республик Москвы и Ленинграда.

Финальные соревнования

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Двадцать три года назад, летом 1944 года, началось освобождение Польши от фашистских захватчиков. Советская Армия вместе с польскими патриотами погнала оккупантов на запад. На первом снимке вы видите советского и польского офицеров во время боевых действий в варшавском предместье. На втором снимке те же кварталы Варшавы сегодня. Прекрасными городами и могучими промышленными новостройками салютует ПНР в свой национальный праздник — в День возрождения Польши.

Фото Я. Рюмкина и ТАСС.

ШРУТЫ КИНОФЕСТИВАЛЯ

ходил стажировку на Пражской киностудии: тогда в Алжире еще не было своей кинематографии.

Документы о борьбе за независимость — вот их первые киноленты. Потом Лакдар Хамина снимал короткометражные фильмы. И в одном из них появилась Таня. «Где же вы нашли ее?» — спрашиваем мы у режиссера. Он смеется: «Где находят звезды — конечно, на небе». Шутка оказывается истиной: Таня тогда работала стюардессой, и во время одного из полетов они встретились. Сейчас Лакдар Хамина снимает Таню в новом фильме, который будет кончаться ее смертью. Мы просим хоть в одной картине пощадить Таню и оставить ее в живых. Тем более, что оба они в жизни такие веселые, молодые, жизнерадостные, и как-то не вяжется с их обликом эта трагическая тема.

«Смерть — это самая глупая, нелепая вещь на свете, я ненавижу, протестую и борюсь с ней. Но нашему народу, как и вашему, война принесла большие потери, много горя. А тот, кто больше пострадал от войны, больше стремится к миру. Поэтому тема борьбы за освобождение, борьбы за мир сейчас главная в нашем кинематографе».

«И в нашем,— говорит мне Бруно Кремер — исполнитель роли командира партизан во французском фильме «Одним человеком больше».— Трудно представить себе более контрастные роли, чем те, что я играю в кино и на сцене. В театре это сугубо мирные герои Оскара Уайльда, Бернарда Шоу; зато в кино я не только непрерывно сражаюсь, но руковожу боями. На фестивале сейчас идут два фильма с моим участием: конкурсный и «Горит ли Париж?» Рене Клемана, в котором я играю полковника Роля, коммуниста, руководителя Сопротивления. В те годы, о которых рассказывают эти фильмы, я был мальчишкой, таким же, как сейчас мой сын, и мне хочется, чтобы он и его сверстники знали, какой дорогой ценой завоеван сегодняшний мир, чтобы знали и берегли его».

Фильм этот уже посмотрели тысячи москвичей. Увидят его и жители других городов, кроме того, о нем да и обо всех конкурсных картинах много и обстоятельно уже писали и еще напишут газеты. Мы же продолжаем нашу пресс-конференцию, вернее, пресс-репортаж, с теми, кого еще не знает наш зритель. Ведь, собственно, открытие новых кинематографий, новых творческих имен, новых прогрессивных направлений — первоочередная задача международных смотров.

Пожалуй, я не ошибусь, сказав, что имя Армандо Роблеса Годоя не было известно даже киноведам. После просмотра фильма «В сельве нет звезд», премьера которого состоялась 6 июля в Кремлевском Дворце съездов, и зрители и участники фестиваля поняли, что отныне перуанская кинематография существует.

«К нам часто приезжали мексиканские и аргентинские кинематографисты, вели у нас натурные съемки, но фильмы их от этого не становились нам более близкими,— рассказывает мне сеньор Годой.— В Перу народ очень разобщен: люди, живущие в одной части страны, не знают, что делается в другой. Нет национального единства. Мне кажется, кино может сыграть большую роль в объединении народа. Вот почему я сменил перо на кинокамеру. Мы сняли наш первый фильм, создали киношколу, организовали Союз кинематографистов».

Несколько слов мне хочется сказать и о другом дебютанте. Он тоже не очень молод. Паоло Каваре за сорок, и за плечами многие годы работы в документальном кино. Что же побудило его в эти годы изменить профессию и рискнуть заняться режиссурой в Италии, где художественные фильмы создают такие знаменитости, как Антониони, Феллини, Джерми, де Сантис и многие-многие другие? Работая в документальном кино, Кавара видел, как часто во имя сенсации, чтобы угодить хозяевам и добиться коммерческого успеха, документалисты занимаются фальсификацией, подменяют действительность инсценировкой, не задумываясь над тем, что искажают жизнь, клевещут на народы. Он восстал против этого и в своем фильме «Дикий глаз» жестоко осудил подобное направление в кино. Этот фильм еще не был показан в Италии, впервые он демонстрировался у нас на фестивале. После просмотра Кавара сказал мне:

«Мой фильм не столько обвинение героя, его творческого метода, его стремления любой ценой добиться успеха, сколько обвинение обществу, толкающему его на такие поступки, а главное, тех, кто рискует чужими жизнями и репутациями в своих коммерческих целях.

Наши ведущие кинематографисты сейчас очень много занимаются темой интеллектуальной разобщенности людей, ведя эти исследования в глубине человеческой психологии. Меня же в этой проблеме интересуют социальные причины. Кто виноват? Почему? Как с этим бороться?»

Мысли итальянского художника-коммуниста перекликаются с идеей советского фильма «Журналист». В нем его создатель Сергей Аполлинариевич Герасимов говорит, что «...отделить свою судьбу от своего времени нельзя, человека касается все, как воспитание детей, общественные отношения, любовь, так и мировые проблемы».

Фильм этот с большим успехом был показан в один из последних дней фестиваля, и эти раздумья большого советского художника словно подытоживают все то, что мы видели, о чем говорили, о чем думали на V Московском международном кинофестивале.

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. Умнова и Л. Шерстенникова.

Витаутас Жалакявичюс беседует с режиссером из Перу Армандо Годоем.

Марина Влади (Франция) и народный артист СССР С. И. Юткевич.

ШНОЙ ПРЯМОЙ

начали гребцы на байдарках и каноэ. Они и получили первые призовые медали Спартакиады. Вслед за ними вступили в борьбу велогонщики, волейболисты, баскетболисты и представители многих других видов спорта — гимнасты, гребцы, теннисисты, пловцы, фехтовальщики, штангисты. А завершают эту программу олимпийского размаха легкоатлеты.

Спартакиада выходит на финишную прямую!

Ленинград. Открытие X Всесоюзной спартакиады школьников. Ей предшествовали старты, в которых участвовало 20 миллионов юных спортсменов.

Фото ТАСС.

Москва. Финал IV Спартакиады народов СССР. Состязаются баскетболисты Москвы и Грузии.

Фото А. Бочинина.

Объединенная Арабская Республика отмечает 15-летие своей революции. За годы республики произошли огромные социальные преобразования — впервые за многовековую историю страна создала свою промышленность, миллионы феллахов получили землю, перед молодежью открылся путь к науке и культуре. Гордостью ОАР стала героическая стройка гигантской ГЭС на Ниле. При осуществлении этих грандиозных планов на помощь египетскому народу пришли народы Советского Союза.

На снимке: Каир, столица ОАР.

Фото А. Серикова.

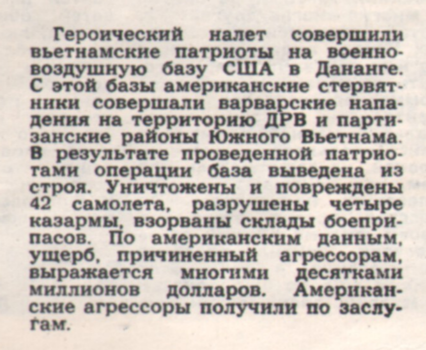

Сердечно встречали жители ОАР советских военных моряков, посетивших на своих кораблях порты страны. Египтяне знают, что Советский Союз — верный друг арабов. Этот снимок сделан в Порт-Саиде.

Израильские агрессоры не унимаются. В пятницу 14 июля они устроили новую кровавую провокацию — с захваченных земель обстреляли из пушек Суэц, Эль-Кантару и дважды Исмаилию. Об этом сообщил в ООН постоянный представитель ОАР эль-Куни. А вот документальное свидетельство преступных действий агрессора — фотография разрушенного израильским снарядом дома.

Героический налет совершили вьетнамские патриоты на военно-воздушную базу США в Дананге. С этой базы американские стервятники совершали варварские нападения на территорию ДРВ и партизанские районы Южного Вьетнама. В результате проведенной патриотами операции база выведена из строя. Уничтожены и повреждены 42 самолета, разрушены четыре казармы, взорваны склады боеприпасов. По американским данным, ущерб, причиненный агрессорам, выражается многими десятками миллионов долларов. Американские агрессоры получили по заслугам.

ВСТРЕЧА В РЕДАКЦИИ

Большая группа туристов из США — в основном представителей разных слоев американской интеллигенции — изъявила желание встретиться с сотрудниками журнала «Огонек», чтобы обменяться мнениями по важным внешнеполитическим вопросам. В этой группе, возглавляемой известным общественным деятелем Джеромом Дэвисом, оказалось много противников войны во Вьетнаме. Им хотелось услышать, как относится к этой затянувшейся войне советская общественность.

Во время встречи в нашей редакции, состоявшейся 18 июля, с обеих сторон было задано много прямых, откровенных вопросов и получено столько же честных ответов. Американские учителя, инженеры, журналисты, пенсионеры с горечью говорили о том, что в бесславной заморской войне американский народ несет большие человеческие жертвы. Миллиарды долларов, предназначенных на осуществление широко разрекламированной программы «по борьбе с бедностью», были израсходованы на войну. Вмешиваясь в дела других стран и народов, руководящие политики США в то же время оставляют нерешенными важнейшие проблемы внутри своей страны. Одной из таких проблем является социальное неравенство негритянского населения, вызвавшее в последние годы в США массовые выступления негров за свои права.

Участники встречи не обошли молчанием тревожные события на Ближнем Востоке. Несмотря на расхождения среди американцев — главным образом в предлагаемых ими методах,— большинство из них высказалось за быстрейшую нормализацию положения в зоне Суэцкого канала.

Л. СТЕПАНОВ

Фото Л. Шерстенникова.

ЭТО И ЕСТЬ АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

НА ПОЛЕ БОЯ.

Рядом с Нью-Йорком, за рекой Гудзон, в штате Нью-Джерси идут настоящие бои. Полиция и национальные гвардейцы ведут боевые операции против граждан Соединенных Штатов с черной кожей.

◀ Здесь изображен человек, имя которого не без оснований связывают с провокациями против Конго. Это захваченный в Алжире бывший глава конголезского правительства, верный слуга колонизаторов, предатель своего народа, приговоренный в Киншасе к смертной казни, палач Лумумбы — Моиз Чомбе. Как утверждается в подписи к этому снимку, данной агентством ЮПИ, фотография сделана где-то в Алжире, после того, как самолет Чомбе, совершавший таинственный рейс, приземлился на алжирской земле.

Фото ЮПИ.

В Соединенных Штатах развертывается подготовка к важному событию: в ноябре будущего года будет названо имя очередного хозяина Белого дома. Пока в только еще начинающейся предвыборной шумихе громче всех звучит голос всеамериканского чемпиона по расизму Джорджа Уоллеса. Он первым из политических деятелей Америки официально заявил о своем намерении претендовать на президентское кресло в 1968 году.

К сожалению, это не пустое шутовство. За мракобесом Уоллесом стоят вполне реальные силы. Они выпестовали и раздули это бедствие до национальных масштабов.

Ему еще нет и пятидесяти, но он уже давно пользуется печальной известностью. Окончив в 1947 году Алабамский университет, Уоллес стал судейским клерком. Вскоре выслужился перед алабамскими расистами: замял многочисленные подлоги во время выборов в штате Алабама. Судейская карьера его пошла в гору. А в 1962 году политические боссы штата протащили Уоллеса в губернаторы. Его правление было отмечено новой волной расистского террора: убийства негров, взрывы подложенных расистами бомб. Во всех этих преступлениях, несомненно, сыграл свою роль юридический опыт Уоллеса, ибо ни одно из них не было расследовано.

А теперь политическая овчарка расистов спущена с алабамской цепи. В кресло губернатора вместо Уоллеса посажена... его жена, а у него развязаны руки для борьбы за Белый дом. Правда, Уоллес не скрывает, что у него хватает времени и сил по-прежнему управлять штатом (через свою столь же расистскую половину). Но отныне его конечная цель — президентство.

«Я самым решительным образом собираюсь баллотироваться в президенты,— заявил недавно Уоллес.— И я вполне смогу стать президентом».

Что ж! У него за спиной политическая поддержка расистов и деньги. Уоллес — друг и любимец самого богатого в мире человека, фашиствующего американского миллиардера Ханта. Другой друг Уоллеса, глава ку-клукс-клана Шелтон, заявил: «Мы сделали его губернатором, и мы должны сделать его президентом». Ладит Уоллес и с Вашингтоном. Во всяком случае, он сам говорит: «Президент Джонсон всегда благоволит ко мне. Меня всегда отменно принимают в Вашингтоне, у меня там масса друзей».

По традиции кандидат в президенты должен знакомить общественность со своими политическими взглядами, говорить избирателям о том, что он сделает в том случае, если попадет в Белый дом. Уоллес не нарушает этой традиции.

Во-первых, он, разумеется, горячий поборник оголтелого, воинствующего расизма: «Если какой-нибудь школьный совет будет за совместное обучение белых и негров, то я буду против. Мы убеждены, что сегрегация — это самое лучшее». Под свои убеждения он не пытается подвести хотя бы видимость каких-то разумных доводов, просто он считает, что «инстинкт здравомыслящего алабамца вернее мозгов нью-йоркского интеллектуального недоноска». Он вообще любит сильные выражения, этот кандидат в американские президенты. Даже в официальных интервью он не может заставить себя произнести слово «негр» и всегда заменяет его презрительным «ниггер».

Есть у него идеи и не только в расистском плане. Например, он обещает: «Схватить за их длинные волосы всех этих интеллектуальных недоносков, этих профессоров, этих студентов, сжигающих свои призывные повестки, собирающих деньги и кровь для Вьетконга, и обвинить их в измене, судить их и убрать. Мы воюем. И безразлично, имеет ли Джонсон право посылать войска во Вьетнам».

Уоллес, как и все мракобесы, люто ненавидит людей с интеллектом. На это, естественно, обратили внимание журналисты. Вот ответы и вопросы из одного его интервью.

Вопрос. Вы явно не любите людей с развитым интеллектом, вы, вероятно, не очень успешно учились в колледже?

Ответ. Я учился средне.

Вопрос. Много ли вы читаете? Что вы читаете?

Ответ (после долгой паузы). Я читаю в основном журналы, но также и некоторые книги.

Вопрос. Какие книги?

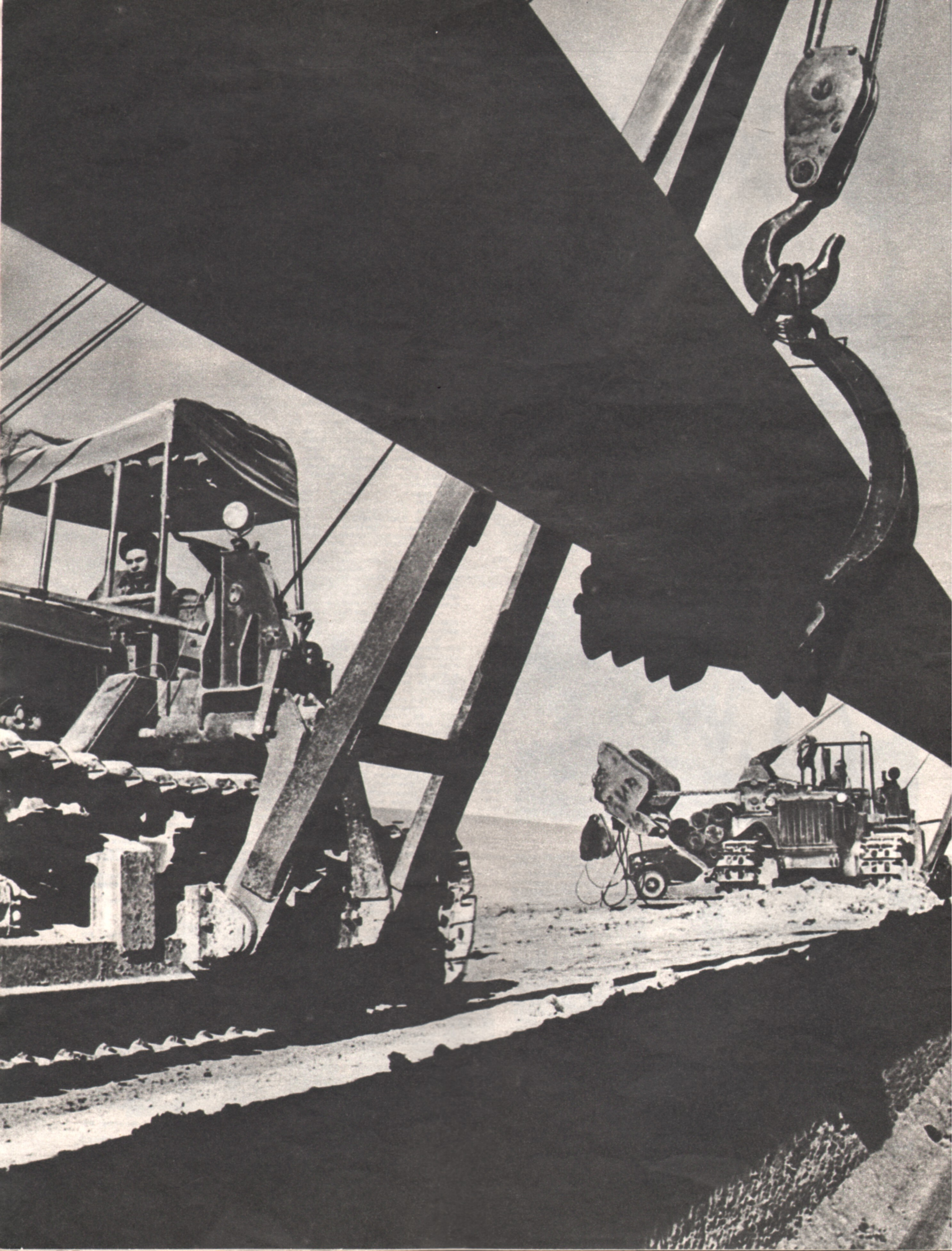
Ответ. Ну, я как-то читал, например, даже «Капитал», но ничего в нем не понял. А вы поняли? Я люблю книги о гражданской войне в Америке, о людях, умирающих ради чувства долга (разумеется, имеются в виду предки современных американских расистов.— В. Н.).

Интеллектуальный портрет Уоллеса можно еще дополнить тем, что в молодые годы он выступал на боксерском ринге в весе петуха. Как известно, боксерский бизнес в США — один из самых грязных. Освоив его методы, Уоллес добился заметных успехов и на политическом ринге. И вот теперь кульминация — штурм Белого дома верхом на расистском кнуте.

Начало этого штурма совпало с новыми злодеяниями расистов. Середина июля была отмечена кровопролитными боями в Ньюарке (штат Нью-Джерси), неподалеку от Нью-Йорка. Тысячи полицейских и солдат, танки и бронетранспортеры были брошены против негритянского населения города, которое устроило, по определению губернатора Хьюса, «открытое восстание». И вот страшный итог на 17 июля: убито 19 человек (из них 18 негров), более тысячи человек ранено, свыше тысячи жителей негритянского района арестовано. Волнения перекинулись на соседние города.

Страшный аккомпанемент из автоматных очередей к началу избирательной кампании Уоллеса.

В. НИКОЛАЕВ

Строится и хорошеет Ташкент. Фото Дм. Бальтерманца.

ПУТЬ НАШ СВЕТЕЛ

Интервью «Огонька»

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. РАШИДОВ

◀ **Укладка труб нового газопровода. В Каршинскую степь пришел голубой огонь.**

Фото А. Горокрика.

Вопрос. У каждого народа имеется поэтический образ дороги. В юбилейном году естественно оглянуться на путь, пройденный узбекским народом.

Ответ. Есть хорошая узбекская пословица. По-русски она звучит так: «Близок путь — пройдешь и остановишься; путь далек — остановок не знаешь, все идешь и идешь вперед».

Путь узбеков — долгий путь. Наш народ издревле славен своим трудолюбием, талантом и гостеприимством.

Имена Бируни, Авиценны, Навои, Улугбека, Мухамеда бен Мусы Хорезми хорошо известны в истории мировой культуры и мировой науки.

По сей день архитектурные ансамбли Самарканда, Бухары, Хивы и многих городов Востока хранят память об удивительных узбекских зодчих и строителях, умом, умением и трудом которых столетия восторгаются люди.

И все-таки, пристально вглядываясь в прежнее, не можешь освободиться от чувства горести за прошлое своего народа. Опустошительные войны, кровавые набеги кочевников, гнет, вечная нужда, болезни, страх перед будущим всегда сопутствовали человеку-труженику. В Ташкенте еще во второй половине XIX века существовал невольничий рынок, где свободно торговали людьми, меняли их на овец, хлопок, одежду... Сына навечно разлучали с матерью, жену — с мужем, сестру — с братом. Публичная казнь, отрубленные головы, выставленные для устрашения среди городов на длинных шестах, были совсем не диковинкой на земле узбеков. Страна почти поголовной неграмотности, религиозных предрассудков, страна, в которой богатый безнаказанно мог вершить суд над бедным,— таким был наш Узбекистан всего 50 лет назад.

Очистительной могучей волной явилась для нас Октябрьская революция. Подобно тому, как весенние промывные поливы уносят горькую соль из земли, делая ее плодородной, так и ленинская правда омыла душу узбеков, подняла их на борьбу за лучшую долю. Трудно переоценить те громадные успехи, которых добилась республика благодаря титанической работе партии и народа, небывалый духовный рост миллионов людей, живущих одной семьей.

Всего 40—50 лет назад в зарубежной прессе часто можно было прочитать, что народам Туркестана, а значит, и узбекам, потребуется не одно столетие, чтобы из сумрака феодализма суметь выбраться на дорогу цивилизации. Недавно я прочитал такие строки в американской газете «Крисчен сайенс монитор»: «...это также край тракторов и газопроводов, это земля женщин, которые поколение назад носили паранджу, а теперь носят в карманах дипломы инженеров...»,—и дальше: «...самое сильное впечатление оставило материальное благополучие и обновление уклада жизни населения». Сказано это о нашей республике, но спустя не столетия, как это обещалось, а всего лишь пятьдесят лет.

Полвека — короткий отрезок истории. Но пятьдесят лет, пройденные нашим народом, под стать векам.

Сколько необыкновенных ярких талантов открыто за это время, сколько имен узбеков занесено в сокровищницу мирового искусства и науки!

Мужественный, радостный стих Гафура Гуляма звучит (можно

сказать без преувеличения) на всех континентах планеты. Книги Айбека читают миллионы и миллионы людей.

Далеко за пределами республики знают Яшена и Зульфию. Да разве можно перечислить всех, кто в полный голос поет наш Узбекистан, нашу жизнь, нашу правду!

В 1920 году по ленинскому декрету был открыт первый в Средней Азии университет. Сегодня только в Узбекистане 38 высших учебных заведений и 170 научно-исследовательских учреждений. Я не могу перечислить всех тех, кто каждодневно вносит свою лепту в развитие советской науки, поэтому приведу только цифры — они скажут сами за себя.

Над исследовательскими работами, которые ведет наша Академия наук, трудятся 45 академиков и 44 члена-корреспондента, 104 доктора и 878 кандидатов наук, 16 с половиной тысяч сотрудников постоянно работают в научно-исследовательских институтах.

Путь наш, как и путь всех братских республик, светел. Мы не знаем остановок и все идем и идем вперед.

Вопрос. Узбекистан называют краем большого хлопка. В прошлом году республика сдала свыше 4 миллионов тонн «белого золота». Эта цифра говорит сама за себя. Каковы дальнейшие перспективы хлопководства в республике?

Ответ. Если человеку хоть раз удалось увидеть, как раскрываются тугие створки коробочек хлопка, как тонкое белое волокно, словно бы снег, опушит поля, уверен, ему уже никогда не забыть этого. Зрелище действительно красивое. Но сколько труда, сколько умения, пристального внимания, сколько заботы затрачивает дехканин, прежде чем приступить к сбору урожая! А сама уборка! Это же битва за каждый килограмм, за каждый комочек драгоценного волокна, за каждый час в страдную пору. Природа не балует тружеников наших полей. Неверно думать, что земля у нас такая: воткни любую палку — разом зацветет, заплодоносит. Редко выдается год, чтобы все прошло так, как хочет того сердце хлопкороба. То выпадет безводье, а то, наоборот, хлещут дожди, свирепствуют сели...

Мне случилось быть свидетелем, как на поднявшиеся буйные хлопковые всходы обрушился град. Зеленое, только что такое радостное поле буквально в минуты было уничтожено. Это походило на остервенелую бомбежку. Град уничтожал хлопчатник, а один из старых хлопкоробов, оказавшийся в это время на поле, прикрывал всходы полами своего чапана. Мне было понятно это стремление человека, привыкшего беречь каждый куст, каждый кусочек земли.

Труд хлопкоробов можно сравнить, пожалуй, только с трудом матери, нянчащей свое дитя. И любовь к земле у них тоже материнская, большая, неукротимая.

Мы хорошо знаем, что наша республика — основная хлопковая база страны. И постоянное, планомерное увеличение урожаев — главная задача нашего сельского хозяйства. Не могу не привести поразительные цифры роста производства хлопка. В 1917 году урожай, снятый со всех узбекских земель, исчислялся 48 тысячами тонн. В 1966 году — 4 083 тысячами. За этими цифрами — неуклонная забота партии, правительства, за этими цифрами — героический труд колхозников и рабочих совхозов. В 1967 году мы должны сдать государству 3 800 тысяч тонн хлопка-сырца. Учитывая, что этот год является юбилейным, хлопкоробы республики решили встретить праздник трудовым подарком: взяли обязательство вырастить и продать государству 4 миллиона тонн ценнейшего сырья. А уже в 1970 году мы должны будем получить 4 180 тысяч тонн, но это план. А хлопкоробы свои планы выполняют с большим опережением.

Вопрос. Вероятно, повышение производства хлопка связано с освоением новых земель, в частности с освоением Голодной степи, название которой сейчас устарело?

Ответ. Голодная степь — лаборатория ирригационно-мелиоративного строительства, строительства новых совхозов, отвечающих требованиям коммунистического завтра. Характерной чертой преображения Голодной степи является то, что одновременно с освоением новых земель здесь строится ирригационно-мелиоративная сеть, жилые дома, культурно-бытовые учреждения, дороги, прокладываются линии электропередач и газопроводы. Этот комплекс строительства дает нам возможность эффективно использовать земли и быстро окупить затраты.

В 1965 году в Голодной степи освоено 15 тысяч гектаров. Пятилетним планом намечено освоить 150 тысяч гектаров новых земель.

Кроме того, мы ведем большие работы в Джизакской степи. В этой пятилетке — подготовительные работы, а начиная с 1971 года приступим в больших масштабах к строительству новых совхозов. Тут намечено освоить 160 тысяч гектаров новых земель.

В результате проведения всех этих мероприятий за три года производство хлопка в Сырдарьинской области увеличится на 75 процентов. В 1967 году сырдарьинцы сдадут государству 500 тысяч тонн, а через три-четыре года —700—800 тысяч тонн.

Хочу еще раз обратиться к зарубежной прессе. Вот что написано об освоении Голодной степи в одной из буржуазных газет США: «Работы продвигаются быстро. Каждый год по мере подготовки земель под сельскохозяйственные культуры организуются два или три новых совхоза...

Каждый совхоз занимает 10 тысяч гектаров. Три четверти площади отводится под хлопок, менее одной четверти идет под люцерну и от трех до четырех процентов земель — под арбузные бахчи, оранжереи и виноградники. Усадьба совхоза напоминает небольшой город. На ней расположены дома для трех тысяч жителей, коммунальные предприятия, школы, магазины, детские сады, больница. Есть клуб на 450 мест для показа кинофильмов и других развлечений. В совхозе живут рабочие всех национальностей. Мы посетили детский сад, где видели светлоголовых русских и немецких детей, узбекских, казахских и корейских девочек с черными косичками...»

Кроме Голодной степи, осваиваются Каршинская и Ширабадская степи, низовья Аму-Дарьи и Центральная Фергана. Строятся Андижанское, Пачкамарское, Южно-Сурханское, Каркидонское, Чарвакское, Ахангаранское водохранилища, Ширабадский, Центральный Ферганский и Каршинский магистральные каналы.

Ни один узбек никогда не забудет источника этой громадной победы. Она берет свое начало в далеком уже сейчас 1918 году. В тот тревожный, голодный, израненный и простреленный пулями год В. И. Ленин подписал Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане.

Вопрос. Ученые доказали, что седой Урал, всегда считавшийся кладовой подземных богатств,— побратим гор, находящихся в Узбекистане. Поэтому интересно узнать, какими темпами и в каких масштабах будет развиваться в республике цветная металлургия.

Ответ. Долгое время недра республики считались геологически бесперспективными. Такое издавна утвердившееся мнение мешало развитию поисковых работ. Поражало то, что на всей территории республики сохранились приметы древних горных выработок. Терпеливо, я бы сказал, пристально простукивали землю геологи. Их труд, как говорится, окупился сторицей. Уже к 1940 году одно за другим открываются крупные месторождения меди, полиметаллов, вольфрама, угля, нефти...

Последние годы принесли немало радостных известий. Открыты десятки богатейших кладовых цветных металлов, газа и, наконец, золота. В центре Кызылкумов, среди сыпучих песков и голых обветренных скал, строится город золотодобытчиков — Зарафшан. «Зарафшан» — по-русски — золотоносный. И название это, данное когда-то народом беспокойному, бурному потоку, стало пророческим. Сегодня мурунтауские месторождения золота известны всему миру. Строящийся комбинат в Кызылкумах в самом близком будущем станет крупнейшим предприятием золотодобывающей промышленности страны.

Приведу еще две цифры. В 1965 году цветная металлургия республики дала продукции на 135 миллионов рублей, а в 1970 году по плану намечено довести производство до 333 миллионов.

Вопрос. Москвичи ожидают в этом году гостя из Узбекистана — бухарский газ. Расскажите, пожалуйста, о трассах голубого огня.

Ответ. Одиннадцать лет назад, 17 декабря 1956 года, в Газли забил первый газовый фонтан. С тех пор на территории республики открыто еще 25 крупнейших месторождений с общим запасом, исчисляющимся астрономической цифрой.

Под землей Узбекистана находится огромный газовый океан. Мы счастливы, что он успешно осваивается нашим государством. Только в прошлом году было закончено строительство газопровода Бухара — Урал. Ежегодно эта газовая магистраль доставляет промышленности Урала 20 миллиардов кубометров газа. Узбекский газ освободил уральцев от постоянного завоза 23 миллионов тонн угля.

В 1967 году должно быть завершено строительство газопровода Средняя Азия — Центр протяженностью 3 500 километров. Одновременно будут продолжены работы, связанные с прокладкой второй нитки крупнейшего в мире газопровода. И еще одна новость. Принято решение о строительстве газопровода Мубарек — Ташкент — Фрунзе — Алма-Ата.

Вопрос. Мы зададим вам вопрос, который вот уже более года задают советские люди во всех уголках нашей Родины: как живет Ташкент?

Ответ. 26 апреля 1966 года надолго останется в памяти всех советских людей. Вероятно, никогда не удастся подсчитать, насколько выросло население в тот памятный день в столице нашей республики. Сказав «выросло», я не оговорился: миллионы советских граждан от Тихого океана до Карпат стали в этот день ташкентцами. Почта, телеграф, телефон приносили в Ташкент голоса друзей, их искреннее желание прийти на помощь в трудную минуту. «Мы с вами, дорогие ташкентцы!» — слышалось из любого уголка нашей Родины. Еще продолжались толчки. Еще земля не перестала вздрагивать, а в столицу Узбекистана уже прилетели Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и правительственная комиссия. А спустя несколько дней вся страна, все братские республики пришли на помощь ташкентцам и приступили к восстановительным работам в городе.

В 1966 году меры по ликвидации последствий землетрясения в Ташкенте обсуждались на заседании ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Состоялось решение, которым предусматривается за пять лет построить в Ташкенте 6 миллионов квадратных метров жилья, большое количество культурно-бытовых и административных зданий. Это равно почти всему жилому фонду города до землетрясения. В прошлом году ташкентцы уже получили около 800 тысяч квадратных метров жилья. В 1967 году получат один миллион двести тысяч квадратных метров.

Вот уже больше года не унимаются подземные толчки. С 26 апреля сейсмической станцией зарегистрировано 784 толчка.

Но люди оказались сильнее стихии. Сегодня каждый прилетающий в Ташкент уже не сможет увидеть следов тяжелого бедствия. Громадными аистами стоят над городом подъемные краны. Этаж за этажом вырастают новые здания. И мы уже сейчас уверены, что Ташкент в скором времени станет одним из красивейших современных городов. Порукой тому — добрые сердца и труд наших друзей, приехавших из всех республик Советского Союза, чтобы помочь строительству нового Ташкента.

Хочу воспользоваться случаем и от души поблагодарить всех друзей нашей столицы и нашей республики — их миллионы.

Мы счастливы, что живем в такой стране, где и радость и горе переживают вместе все народы нашей великой Родины. И это потому, что они члены одной семьи, что они идут одной дорогой к коммунизму.

У. Тансыкбаев.
В ГОРАХ.

Р. Ахмедов. ВЕЧЕР.

Н. Махмудов. РЕЗЕРВУАРЫ.

А. СОФРОНОВ

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Все это было и торжественно и просто. Пустыня Кызылкумы. Азиатский зной. Ветер. Бурые земли и синеющие длинные хребты гор. Небольшая, специально сколоченная для этого случая трибуна. И много людей. Разных людей, строителей. Митинг в пустыне. Но, собственно говоря, пустыня — это уже относительно. Все признаки ее налицо. Но многое на Земле обживается. Обживается и пустыня. Это заметно всюду. И в широких шагах опор высоковольтных передач и в огромных, выше роста человеческого, трубах тянущегося по пустыне водовода. Слово-то какое — водовод?! Вошел в сознание водопровод. Хорошее, приятное слово. Холодная и горячая вода. Наш быт. Потом — мощное слово — нефтепровод. Индустриальное, прочное слово. Еще — газопровод — тысячи километров труб. Мы знаем, сколько трудов стоит за этим словом. Сколько подвигов людей, тянущих трубы газопровода через пустыни, через тайгу, через гиблые болота, по дну хладных рек и озер. Вошло это слово в наше сознание, как синий огонек газа. А тут — водовод. Его как-то и произносить трудно. А слово входит в быт, может, не в наш городской, обжитой, удобный, а там, среди бурых кочковатых равнин и пологих холмов, где бродят отары овец. И какие отары!

Двести пятьдесят километров водовода. Семь мощных станций поднимут воду из Аму-Дарьи. Конечная цель водовода — район строительства золотообогатительной фабрики Мурунтау. Но это конечная цель, а до нее, по пути, и вокруг фабрики — сотни тысяч гектаров обводненной земли—пастбища и поля для хлопка. Золото не только под землей, но и над землей: мягкое — это шерсть, белое — хлопок...

На трибуне в день закладки золотообогатительной фабрики Мурунтау в Кызылкумах были гости из Москвы и Ташкента. Выступал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Выступали строители, монтажники, геологи, председатели соседних колхозов. Были в их словах радость и гордость: пустыня обживается.

А потом строители заложили в капсулу материю, на которой было отпечатано **«Письмо в будущее от участников митинга строителей золотодобывающего комбината Мурунтау и города Зарафшан, Бухарской области, Узбекской ССР».**

«Помните, потомки, что старшему поколению довелось строить наше счастье в трудное время, когда в жестокой борьбе с угнетателями народы завоевали свои права. С оружием в руках они отстаивали победное знамя Великой Октябрьской социалистической революции.

Люди грядущего! Вам передаем мы свою трудовую эстафету, принятую от наших отцов и старших братьев, закаленных в горниле революционных боев, заложивших первый камень в фундамент коммунизма. С именем великого Ленина умножайте наши ратные и трудовые подвиги.

Свой патриотический и интернациональный долг мы видим в том, чтобы преумножить богатства своей Родины.

Наша боевая программа — решения XXIII съезда родной партии, создание коммунистического общества.

Будьте достойными продолжателями героических дел своих предков, преумножайте богатства земли нашей».

Преумножайте! Старое славянское слово, одинаково весомо звучащее на многих языках нашей Родины.

Это преумножение видно всюду, куда ни отправишься в Узбекистане.

Неподалеку от Мурунтау строится город Зарафшан. Новый город. Новой архитектуры... Нового жилого комплекса, где у жителей все под руками. Мы были в нем, ходили по недавно застывшему асфальту, окольцевавшему город. На этом асфальте играли ребятишки, а молодые отцы, преисполненные ответственности, катили коляски с младенцами.

Зарафшан! Здесь все — Зарафшан: и река и город. Сначала предполагали город назвать Златогорск. Это бы, конечно, звучало... Что-то вроде Клондайка... Но нужное, очень нужное стране золото не является предметом поклонения для наших людей. Может, только хлипкие одиночки с фарцовочным блеском в глазах попадают в золотые сети и гибнут, окончательно гибнут.

Здесь золото, да и не только оно, дает полнокровный комплекс жизни. А значит, Зарафшан — жизнь дающий.

Как-то удивительно попадать в город, названный певучим именем Навои. Не так давно — пустыня, глухая земля. А сейчас новый город. Прекрасные современные здания. Посреди города бассейн. Мы подъехали к нему в полдень. В это время в «лягушатнике»— так называют отделение для малышей — обучали плаванию дошколят. Они сидели, как воробышки на жердочке, и по команде инструктора, зажмурив глаза, сваливались в прохладную воду, выскакивали из нее, фыркая и отдуваясь. Делали они все это очень серьезно. Побарахтавшись несколько минут, снова взбирались на парапет бассейна и устраивались, как воробышки, щурясь и улыбаясь.

В городе жарко. Узбекское солнце не очень щадило тех, кто оказывался не в тени. Мы шли по улицам, заходили в магазины и кинотеатры — хозяева с удовольствием показывали гостям свой быт.

Я спросил одного из партийных работников:

— Чем занимается молодежь города?

— О, у нас веселые ребята,— ответил он.— Во-первых, они хорошо работают. Во-вторых, много читают и обсуждают книги на дискуссиях... А в общем, они такие же, как и все... Танцуют, спорят, поют песни... Иногда воспитание человека начинается с очень простых вещей. И если хотите, то оно для малышей начинается в бассейне... Это становится привычным — плавание. Мы все же живем в пустыне,— улыбнулся мой новый друг.— Между прочим, у нас есть и недовольные. Мы, например, запретили грызть на улицах семечки... Запретили, конечно, не административно... но от этого запрет не перестал быть запретом. Так что вот, есть насилие над личностью...

И в Навои, и в Зарафшане, и на Мурунтау, где мы пробыли несколько дней, и на открытии нового Шафриканского гидроузла, который оросит более 66 тысяч хлопковых полей трех районов Бухарской области, невольно приходили мысли о том, насколько плотно переплелись, привыкли работать и вместе думать люди разных национальностей, которых судьба свела под это жаркое солнце, привела на эти трудные земли. Вот уж действительно **школа интернационализма** здесь, на землях Узбекистана. И от этого как-то радостно на сердце. Десятилетия жизни Советской власти всем ходом этой жизни дали нам такую уверенность в силе неколебимости нашей дружбы и любви друг к другу. И горести и радости пополам. Когда едешь по Ташкенту и видишь, как строят столицу Узбекистана москвичи, ленинградцы, киевляне, минчане, бакинцы — вместе, все вместе, вместе с ташкентцами, строят, время от времени испытывая подземные толчки, понимаешь, что это и есть большая, истинно человеческая дружба.

Строители Мурунтау укрыли в бетоне письмо в будущее... Это был торжественный день в Кызылкумах. Но будущее не только в железобетонных сооружениях — оно и здесь, на благодатных просторах Узбекистана, республики, людям которой хочется поклониться и за их труд, и за душевную щедрость, и за доброе гостеприимство, которым пользуются многие тысячи людей, ступая на землю Узбекистана,— за все!

Будущее вырастает из сегодняшнего дня, оно в сердце каждого из нас.

Мандат на землю — так назывался документ, который вручила Советская власть крестьянам. Отныне и навеки земля принадлежит народу.

Чудесное зеркало

Малик КАЮМОВ,
народный артист СССР,
художественный руководитель
Ташкентской студии
документальных фильмов

Фото автора.

М. Каюмов. 1930 год.

Чудесное зеркало, заглянув в которое сможешь увидеть весь мир, побывать в любых странах, стать участником любых событий. Его издавна создавала фантазия людей, о нем слагал поэтические строки Алишер Навои. И вели свой неторопливый рассказ мудрые, как сама земля, легенды народа.

Скажу откровенно: мне здорово повезло в жизни. С мальчишеских лет чудесное зеркало стало моей профессией, моим беспокойным и любимым делом. Почти 40 лет, работая оператором кинохроники, смотрю я в него, позволяющее быть мне свидетелем и участником необыкновенных событий. И все, что порою не сможет удержать человеческая память, навечно сохранит отснятая пленка документального кино, воскресит давно прожитое, ставшее уже сейчас достоянием истории.

В моем родном языке немало слов, которые всего полвека назад были самыми распространенными, а сегодня горькое их значение понятно не каждому. Вот одно из них:

КОЗУ

В 1931 году первый фотограф и кинооператор Узбекистана, Худайберген Диванов, показывал нам, молодым советским кинработникам, отснятую им пленку.

Тысячи, десятки тысяч людей трудились на земле. Перед нашими глазами мелькали лица, спины, натруженные, в жгутах вспухших вен руки. Мелькали лопаты. Комья сухого и влажного ила летели от одного человека к другому. И так на десятки, на сотни километров вокруг: люди, люди, люди — изнурительная, тяжкая работа под палящим зноем, в сухой пыли, в зловонной жиже. Чистка каналов по-узбекски называется козу.

Четыре-пять месяцев в году человек обязан был отдать всего себя этой работе. И так из года в год, от поколения к поколению. А когда по каналам приходила вода, створы распределительных плотин, как ворота, захлопывались и на них вешали амбарный замок. Вода на замке. Козу — для всего народа, вода — собственность избранных. Вскоре мне самому пришлось снимать эти работы. И первый экскаватор, пришедший на помощь дехканину. Он шел по каналу, этот экскаватор. Малосильный, но такой могучий, необыкновенный трудяга! А люди вокруг плакали. Может быть, впервые не от горя — от счастья.

ЧИГИРЬ

Не ошибусь, если скажу, что это слово тысячелетия было самым распространенным на земле Средней Азии. Чигирь — ворот, примитивное древнее сооружение, с помощью которого крестьяне поднимали воду из одного арыка в другой. Только в одной Хорезмской области их было 160 тысяч.

В русском языке есть выражение «крутится, как белка в колесе». Так вот такими белками были дехкане. Мужчины, женщины, дети, старики — все впрягались в чигирь и с утра до вечера, а иной раз, во время полива полей, и ночь напролет ходили по кругу, вращая скрипучий ворот, чтобы суметь мало-мальски насытить землю влагой.

Только что я возвратился со строительства Центрального Ферганского канала. Это величественное (иначе не назовешь) гидротехническое сооружение принесет моему народу еще тысячи гектаров цветущих и плодоносящих земель. Летел на самолете и думал о фильме, над которым сейчас работает наш коллектив, а внизу то и дело громадными зеркалами вспыхивали озера. Ровными серебряными полосками отсвечивали каналы, жарко играли под солнцем арыки. Под крылом самолета цвели сады, зеленели ровные строчки хлопчатника. И, честное слово, трудно было поверить, что всего лишь 25—30 лет назад слышали перелетные птицы томительно грустный скрип чигиря и горькую, как жалоба, песню.

Свои короткие записки я начал с заметок о воде. И это не случайно. «Вода — кровь дехканина», — говорят узбеки. Именно с приходом большой воды на нашу землю начались те необыкновенные преобразования, которые мы называем Советской властью.

А вот и еще слово, с которым связано у меня одно из воспоминаний:

ХУДЖУМ

Худжум — демонстрация. 41 год назад я был свидетелем худжума против паранджи. Кадры кинохроники сохранили это событие точно таким, каким оно было в 1926 году. Тысячи женщин вышли тогда на улицы Ташкента и многих городов Узбекистана. Они шли в глухих, черных покрывалах, скрывающих лица, под душными накидками — чачванами. Шли укором вечной темноте и бесправию. А потом самые смелые из них срывали паранджу и все-таки прикрывали лица руками. Среди первых женщин, решившихся на этот, можно сказать без преувеличения, героический шаг, была Таджихон Шадиева. Мне пришлось снимать ее — начальника политотдела Ферганской МТС. Сохранились и более ранние кадры кинохроники. На одиннадцатилетнюю Таджихон надели глухую паранджу и черный чачван, уготовив ей участь восьмой жены сельского табиба — знахаря.

Я счастлив, что о чистой, большой жизни этой узбечки, о жизни, полной борьбы, веры и неиссякаемой любви к людям, мне позднее удалось снять фильм «Встречи с Таджихон». Счастлив потому, что моя профессия позволяет не только рассказать, но и показать все то, что некоторые относят к области фантазии. Женщина — директор совхоза, академик, лауреат Ленинской премии, государственный деятель, врач, учитель, комбайнер — все это будни моей родины, дороги, которыми шла узбечка от первого худжума против паранджи к сегодняшнему доброму дню. В 1955 году я встретился с Джавахарлалом Неру. Премьер-министр Индии тогда только что посетил Узбекистан. На вопрос, что больше всего поразило его на нашей земле, он не задумываясь ответил: свободная, образованная женщина Узбекистана.

ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ РАИСА

Я пишу эти строки и ловлю себя на мысли, что прошлое видится мне отснятой кинолентой. Да простит меня читатель за то, что это всего лишь кадры большой кинолетописи, всего лишь эпизоды.

Думаю, что миллионам людей в нашей стране и за границей знакомо имя трижды Героя Социалистического Труда Хамракула Турсункулова.

— Наш раис — наш председатель, Турсункулов-ата,— уважительно говорил о нем каждый, кто был знаком с этим человеком. Удивительный знаток земли, талантливый организатор, Хамракул Турсункулов 30 лет бессменно руководил колхозом «Шарк Юлдузи» — одним из самых богатых и лучших хозяйств в республике...

Но есть факт, который, на мой взгляд, мало известен людям. Оказывается, наш заслуженный раис был причастен к рождению узбекского советского кинематографа. Люди старшего поколения хорошо помнят, как трудно было найти для съемок актеров-узбеков. Предрассудки тогда еще были очень сильны. Приходилось приглашать исполнителей на роли из Москвы и Ленинграда. Но вот на киносъемочную площадку приходит узбек-дехканин. Кому, как не ему, знать то, что хочет увидеть в кино труженик? Кто, как не он, может позвать за собой к новой жизни? И с экрана смотрит на тебя не актер, пришедший из какого-то другого мира, а свой брат, дехканин, батрак, человек, с которым встречаешься ежедневно.

Вот роль такого батрака и

Вода на замке.

Каждая капелька влаги — радость, счастье, жизнь...

Худжум.

Таджимат Хидыров — участник Великого Хашара.

Хамракул Турсункулов в роли батрака в одной из первых узбекских кинокартин.

Фото А. Шайхета.

сыграл в одном из первых узбекских фильмов Хамракул Турсункулов.

ВЕЛИКИЙ ХАШАР

1939 год. Пыльной дорогой, забросив за плечо нехитрый скарб, идет, опираясь на палку, босой человек. Заглянув в лицо, нетрудно догадаться, что ему уже немало лет. Но походка старика легкая, стремительная, и весь он полон какой-то молодой решимости. Познакомились. Разговорились. Ему 74 года. Он дехканин, Таджимат Хадыров. Поступили с ним очень несправедливо, не взяли на строительство Большого Ферганского канала: стар.

И вот, обидевшись, Таджимат собрался в дорогу и пошел из родного села на стройку. Пусть будет стыдно молодым, что заставили идти старика на работу пешком. Так встретился я с одним из 170 тысяч своих героев, снимая фильм «Могучий поток». За 45 дней был построен тогда Большой Ферганский канал.

Хашар — это уже слово с добрым смыслом. Это значит, что люди, объединившись, делают одну большую работу. 270 километров прошли строители, прокладывая дорогу воде в сыпучих песках и камнях, в твердой, как булатная сталь, безводной земле.

Интересно, что на строительстве канала работал тогда один из пионеров ирригационных сооружений в Средней Азии, инженер Синявский. В 1912 году он предложил царскому правительству проект постройки Ферганского канала. Проект был отвергнут за невозможностью его исполнения.

Строительство Большого Ферганского канала — уже далекая история. Многие называют строительство Великим Хашаром. И это очень верно: 270 километров, пройденные за 45 дней, когда на вооружении строителей были только кетмени, лопаты и кирки,— подвиг людей, объединенных одной благородной идеей.

Недавно один из зарубежных гостей задал мне вопрос: «Скажите, ведь при таких темпах постройки канала, вероятно, очень долго пришлось подготавливать и доставлять к месту работы технику? Об этом ничего не сказано в вашем фильме. Почему?»

Потому что на строительстве работало тогда только четыре трактора и два экскаватора.

Разговор этот происходил на строительстве Чарвакского гидроузла. Наш гость пожал плечами. Мимо нескончаемой вереницей шли «БЕЛАЗы» и «МАЗы». Работали бульдозеры и скреперы, как журавли, вытянули к небу стальные шеи подъемные краны.

И это тоже была история. История нынешнего дня.

Теперь уже никогда не скрыть улыбок под душным покрывалом паранджи.

Многим читателям хорошо знаком роман Айбека «Священная кровь», где запечатлены события кануна Октябрьской революции, борьба узбекского народа против баев и царского самодержавия.

Новый роман Айбека «Великий путь», действие которого происходит в 1917 году, в какой-то степени является продолжением «Священной крови». Читатели встретят в нем и знакомых и новых героев. В числе последних — Зумрад, девушка, тянущаяся к новому, ищущая в жизни свою дорогу. В меру своих сил она выражает протест против существующего строя.

Приказчик Ишанхан пытался «подарить» ее своему хозяину Саидахмед-беку, а когда его планы сорвались, решил отомстить девушке...

АЙБЕК

Зумрад

Из романа «Великий путь».

Рисунок П. Караченцова.

Перемешав глину с шерстью, мать старательно лепила крышку для котла. Платок сполз на плечо, открыв седые волосы, растрепанные, взлохмаченные. По морщинистому лицу сползали капельки пота.

— Где это ты все бродишь?— с обидой в голосе спросила мать.

От своей работы она не оторвалась. Даже головы не подняла.

— Вечные расспросы,— отрезала Зумрад.— Сходила на Шейхантаур... Вот и все. А что за дело — лепить из глины крышку для котла? Купили бы деревянную, копейки стоит. Свет от этого не перевернется.

Мать наконец распрямилась, погладила поясницу.

— Ах, как жаль, что дома тебя не было! Только ты ушла, и Манзурахон приехала... Я растерялась от неожиданности. Принарядилась она... Ой, как принарядилась! Новая паранджа из атласа. Переливается на солнце.

— Приехала Манзура?— спокойно переспросила Зумрад.— И что же она говорит?

Девушка сняла паранджу и, скомкав, небрежно бросила в сторону.

— Долго сидела твоя подруженька... Поджидала тебя... Я и дастархан расстелила и чай подала... Почернела она, бедняжка, от солнца в степи. А ведь беленькой была... Говорит, каждый день в доме гости. Три супы[1] во дворе, и на них полным-полно гостей... Дружки мужа собираются... Каждый день пируют, веселятся. «Совсем извелась, тетушка,— говорит она мне.— Муженек ни одной пятницы не пропустит, чтобы на улак[2] не поехать». А свекром довольна. Богатый человек. Много денег, много земли. Заждалась тебя подруженька. Говорит, что через три дня пришлет арбу. Просит обязательно приехать. Видать, соскучилась, поговорить хочется...

Старуха опять принялась за крышку: стала разглаживать глину, соскребать, подправлять.

— И вот еще что шепотком спросила я у Манзуры...— Мать хихикнула, оглянулась по сторонам.— Насчет муженька спросила. Как он, красив, нравится ли ей, не выпускает ли из объятий? Манзура только вздохнула и тихо, печально ответила: «Халаджан—хмурый, невзрачный парень. Думает только об улаке. К тому же ревнив. К детишкам даже ревнует». Потом твоя подружка расхохоталась. «Отправил,— говорит,— с восьмидесятилетним стариком...» Вот так-то... Съездила бы ты, доченька, к ней. Время сейчас хорошее, много фруктов. Отдохнешь, развеешься.

Зумрад о чем-то думала.

— Ты что?

Девушка наконец улыбнулась.

[1] Супа — глиняное возвышение во дворе, на котором отдыхают, спят.

[2] Улак — скачки с борьбой, участники которых вырывают друг у друга козлиную тушу.

— Не знаю... Нужно ли мне ехать? Поссорилась я с ней на свадьбе...

— Поссорилась!— сердито воскликнула мать.— Разве с богатыми, знатными людьми ссорятся?

Зумрад собралась было возразить, но не хотелось портить настроение матери. Девушка придвинула покрывало, которое обычно набрасывают на белье, взяла иголку и принялась вышивать.

Через три дня у калитки остановилась арба, и вскоре раздался стук.

Старуха выглянула в щелочку.

— Здравствуйте, амакиджан[1]. Приехали.

Перед калиткой, перебросив через плечо плетку, стоял высокий, крепкий старик с белой бородой, в старом халате.

— Послала Манзурахон...

— Скажу дочери... Подождите немного, отец.

Зумрад как ни в чем не бывало по-прежнему склонилась над вышивкой.

— Ну вставай, собирайся же!— подошла мать.— Прогуляешься... А может,— она улыбнулась,— твоя подружка хорошенького жениха подыщет. Тогда она намекнула об этом... Глядишь, и тебе счастье улыбнется.

Зумрад ничего не ответила. Подняв голову, она задумчиво посмотрела на воду в арыке, словно прислушивалась к ее журчанию. Машинально вколов иголку в покрывало, Зумрад не услышала, как скрипнула калитка, не увидела соседку Асалхон.

— Эй, Зумрад... Не тебя ли поджидает арба возле дома? И старик какой-то особенный. Настоящий великан. Ходит, волнуется.

— Меня ждет...— неохотно ответила Зумрад.— Это Манзура пригласила к себе, за город. Да вот в последнее время не нравится она мне. Не тянет к ней... Не хочется ехать.

— Да разве можно так поступать?— всплеснула руками Асалхон.— Тебя приглашает Манзурахон, а ты не едешь? Неудобно обижать подружку. А сад у нее большой? На твоем месте я поехала бы.

— В Кагне... Очень далеко...— ответила Зумрад.

— Давай поедем вместе. Там наши родственники, вот я и воспользуюсь случаем, навещу их.

Зумрад замерла в нерешительности, затем обратилась к Асалхон:

— Ладно... Одевайся и выходи! Только побыстрее.

Асалхон, возбужденная, радостная, побежала к калитке. Зумрад умылась остатком туалетного мыла, причесалась, поправила завитки на висках, надела новое платье из набивного ситца и жакет из бекасама[2] и еще и еще раз смотрела в зеркало, повязала розовую атласную косынку.

— Очень идет тебе это платье.— Мать с восторгом оглядела дочь с ног до головы и вполголоса прочитала ей вслед благословение. Накинув паранджу, Зумрад вышла на улицу и увидела сидевшую на арбе Асалхон.

[1] Амакиджан — дядя (вежливое обращение).

[2] Бекасам — национальная ткань.

— Ну и заставила ты себя ждать. Я-то коекак оделась...— с обидой сказала соседка, придирчиво рассматривая нарядную Зумрад.

Девушка забралась на новую высокую арбу, легко наступая на спицы огромного колеса.

Старик, нахлобучив обеими руками грязную шапку, рывком вскочил в седло и, упершись сапогами в оглобли, уселся поудобнее. Стоило ему промолвить «чу», как лошадь тронулась и пошла ровным шагом.

Девушки за спиной арбакеша перешептывались, хихикали. Асалхон любила поговорить, посмеяться. Она заставляла Зумрад и смеяться и удивляться.

— Скоро ли приедем, отец?— спросила Асалхон, когда они проехали уже порядочное расстояние от Самаркандских ворот.

— Еще немного, мои голубушки,— ответил старик и шумно выплюнул насвай[1].

— Служите, отец, или приходитесь родственником?— спросила Зумрад.

— Нет, голубушка,— вздохнул арбакеш,— слуга я... Уже лет тридцать работаю в этом доме... Да, безрадостно прошла вся моя жизнь у бая...— И он сокрушенно покачал головой.

— А дети у вас есть?— снова поинтересовалась Зумрад.

— Э-э... Одна дочь, четверо сыновей есть. Трое женаты... Хочется и младшего женить, пока сам жив. Но люди мы бедные, не в состоянии справить свадьбу.

Старик умолк и через несколько минут продолжил:

— Бай наш очень знаменитый... Слышали, наверное. Ему уже за пятьдесят лет, очень увлекается охотой, есть у него ястребы-перепелятники, которых он держит в саду, сами увидите. А какие поля! Какие сады! Ни клочка свободной земли.

Зумрад и Асалхон, слушая старика, смотрели по сторонам. Вдоль дороги тянулись сады. Ветки гнулись от персиков, айвы, урюка, яблок... За деревьями виднелись поля... То и дело на дороге встречались шумные стайки ребят, поднимающих пыль столбом. На дорожных перекрестках располагались чайханы, в которых было многолюдно, шумно.

— Тяжело жить, отец? Сколько же вы получаете за свою работу?

— Э-э, доченька, толку мало от этой работы. Существуем кое-как. Вся наша пища — джугара. Пшеницу мы и во сне-то не видим.

Ветки, перегнувшись через низкие заборы, были унизаны зрелыми персиками, за деревьями мелькали фигуры работников.

Стояла тишина.

[1] Насвай — особо приготовленный табак; закладывается под язык.

Вдруг мимо промчался черный сверкающий фаэтон. На козлах, управляя парой горячих коней, сидел приказчик Саидахмед-бая, Ишанхан, а на сиденье — младшая жена бая, Зебихон. Она была в лиловой парандже из китайского шелка. Фаэтон давно промчался, но звонкий смех Зебихон долго еще стоял в ушах девушек.

Зумрад узнала и приказчика и Зебихон. Поняла, что это за прогулка. Конечно, Ишанхан не предполагал встретить на дороге кого-нибудь.

Асалхон уже думала о другом.

— Расскажите что-нибудь интересное, отец...

— Эге, доченьки мои,— вздохнул старик,— пусть никто не переживет того, что я пережил. Много забот и хлопот выпало на мою бедную головушку. Можно сказать, что не увидел я на белом свете и капельки радости. Пролетела вся жизнь. Ах, если бы я мог дожить последние дни спокойно, вознося молитвы! Ну, вот и приехали... — Старик махнул в сторону плеткой.

Асалхон торопливо приподнялась.

— Ой, мы уже в Навзе! Остановите на минутку...— Не ожидая, пока арбакеш натянет поводья, девушка спрыгнула на землю.— Зумрадхон, ты тоже приходи, хотя они и бедные, но душа у них чистая. Хорошие люди! Передай привет Манзурахон!— крикнула она вслед удаляющейся арбе.— До свидания, отец...

Через некоторое время арба остановилась у больших ворот. Зумрад даже осмотреться не успела, как откуда-то навстречу радостно выбежала Манзура.

— Наконец-то! Разве можно так долго пропадать? Даже навестить не подумала! Пусть далеко, но место прохладное, хорошее. Давно нужно было приехать.

Обнимая друг друга, девушки вошли в большие, добротные ворота; по обе стороны двора целый ряд комнат и террас с выступающим карнизом на крыше. На широкой площади двора, свободной от построек, деревья, цветники. Спокойно, как-то величаво в широком арыке течет вода.

— Ездила я, пыталась разыскать тебя, но не нашла!— начала Манзура, усаживаясь против Зумрад.

— Да, меня не было дома. Ходила посмотреть на собрание. Понимаешь, люди собрались вместе, решили организовать общество мастеровых на Шейхантауре... Интересно!

Однако Манзура даже не слушала рассказ подруги о каком-то собрании каких-то мастеровых.

— А у меня дел!.. Не счесть. Посмотри, на кого похожа! Почернела, как цыганка...— пожаловалась Манзура.

— Что ты! Все такая же беленькая... Ну, расскажи же, дружно живешь с мужем? Красивый ли он? Дома ли?— как можно бодрей спросила Зумрад.

— Опять исчез. Сядет на коня и умчится, не может сидеть на одном месте... Отец, бедняжка, хоть и стар, все дела ведет сам; слуг много, легко ли заставлять их работать, справляться с ними?! Да, кстати,—весело шепнула Манзура,— завтра я поведу тебя к соседям. Хозяйка недавно умерла, остался старик... Да и тот одной ногой в могиле. Их сын скоро будет совсем один. Если тебе улыбнется счастье, станем соседями. Тут близко.

Зумрад засмеялась.

— Оставь эти разговоры, я по тебе соскучилась, хотела повидаться, вот и приехала. Женихи-то не такая уж редкость. Когда-нибудь сама найду.

— Э-э-э!— хихикнула Манзура.— Когда счастье идет навстречу, не зевай. Оно ведь приходит один раз, нельзя упускать.

— Есть у меня возлюбленный,— созналась Зумрад,— смирный, обходительный, умный парень. Никому не говорю, держу в секрете. Есть у него дом. Единственный недостаток — бедность. Он сейчас учится в медресе, зовут его Умар-Али...

Последние слова Зумрад произнесла с гордостью. Но Манзура рассмеялась.

— Не верю! Неужели ты выйдешь замуж за бедного? Разве накормит тебя его ученость?! Найди денежного! Тот, которого я подыскала, состоятельный, земли у него много. Что может быть лучше, чем жить в достатке?! Да ты отдохни... приляг... Я сейчас приду. Скажи, что ты хочешь: манты или пельмени? Сейчас же будет готово...

И она моментально скрылась.

Зумрад осталась в комнате, рассматривая разукрашенные стены, гулкурпу[1], расставленную на полках посуду.

В открытом окошке неожиданно появилась головка Манзуры...

— Любуешься, Зумрад? Сколько вещей еще лежит в сундуке! Некуда ставить...

После обеда девушки вышли из усадьбы, решив пройтись вдоль полей, погулять в садах.

На душе у Зумрад было легко, она любовалась окружающей красотой. Окрестности утопали в цветах, благоухали райхан, астры, розы. Особенно много было хны и переливающихся бархатом петушиных гребешков. Вишни и персика на деревьях полным-полно — ветки гнутся к земле. Еще неспелые, зеленые, но уже обретавшие вкус, фрукты сверкали на солнце.

Пробираясь сквозь деревья, девушки вышли на бахчу с дынями. Дыни совсем зеленые. Но было много среди них и золотисто-желтых круглых хандаляков.

Манзура сорвала один хандаляк и выбралась из зарослей.

— Посеял арбакеш-ата,— сказала Манзура, присаживаясь у арыка.

«Труд бедного старика — отрада баям»,— про себя подумала Зумрад и нехотя, медленно, присев на корточки, стала разрезать на тонкие ломтики дыню.

Хандаляк был зеленоват. Подруги не успели и словом переброситься, как с тяжелым кетменем на плече появился младший сын арбакеша, Агзам. Манзура, притворяясь, будто она закрывает лицо, стала расспрашивать его о здоровье.

— Ну как, хандаляк сладкий?— поинтересовался и Агзам.— Видно, зеленоват, недозрел еще.

Зумрад весело ответила:

— А у нас еще зубы острые.

— Такие уж посеял дряхлый старик,— съязвила Манзура.

Агзам покраснел.

— Старик посеял ради забавы. А заняты мы хлопком с утра. Хозяин только и знает — хлопок. Ясно, прибыльное дело. Это не дыни.

— Все выгоды от хлопка получают баи, а у бедняков дела дрянные...— серьезно сказала Зумрад.

— Вы правы, ападжан, хлопок нужен баям. Нам от него только муки и страдания. Земля поливается нашим потом, а родит для баев. Была бы у нас хотя бы горсть хорошей земли...— вздохнул Агзам.

Зумрад поддержала его:

— Вы правы, ака, пусть люди поровну поделят землю, дарованную богом. У всех два глаза, один язык. Кто же даст вам землю, если вы молчаливым рабом будете обрабатывать чужие поля! В городе многие выступают с требованием своих прав, как видно, вы ничего и не слышали...

— В городе разговоров много. Ждем, что из этого получится...— улыбнулся Агзам.

— Если такие львы, как вы, будут сидеть да ждать, можно считать, что все в порядке, дело сделано!— усмехнулась Зумрад.

— Вы правы. Не каждый парень может тягаться с вами!

Зумрад хотела еще что-то добавить, но Манзура подтолкнула ее:

— Нашла о чем разговаривать. Пошли в сад, чиляки[1] начинают поспевать. Попробуем.

Из виноградника тропинка снова привела на усадьбу. В наружной части двора окна гостиной были открыты. Большая супа в середине двора покоилась целый день в тени громадного вяза, рядом с супой — полный до краев хауз[2].

Когда подруги вошли во внутреннюю часть, то увидели старуху свекровь, которая сидела на айване и о чем-то разговаривала с соседкой. Зумрад почтительно поздоровалась, кланяясь, и, смущенная, села в сторонке.

— Откуда вы, дорогая? Из города? Чем занимается ваш отец?— поинтересовалась старуха.

— Мы бедные, бабушка. Отец мой ремесленник, изготовляет веретена в мастерской, рядом с соборной мечетью.

— Ничего, голубушка, даст бог, и вам улыбнется счастье,— сказала старуха, вытирая губы.

Уже вечерело, когда появился муж Манзуры, Абдусамад, с плеткой в руке.

— Где Манзура?— крикнул он и тут заметил гостью.— Ясно! Ясно, твоя подруга...— Сняв халат, он передал его Манзуре, которая торопливо подбежала к нему, прикусив губу.— Быстренько приготовь плов с перепелами, собираются одни байские сыновья, будем пить бузу, играть. Да, между прочим, дела у

---

[1] Гулкурпа — вид сюзане, которым покрывают сложенные одеяла.

[1] Чиляки — скороспелый сорт винограда.
[2] Хауз — водоем.

меня замечательные — мой конь выиграл на скачках.

Зумрад слегка приподняла край платка, которым закрывала лицо.

«Круглый, как таппи[1], весь сморщенный, черный, к тому же еще и малорослый. О бедная моя подруженька!» — подумала она.

На даче отца Зеби в Аккургане Ишанхан, подбоченившись, лежал на супе, погруженный в свои мысли.

Наконец появился мальчик, который вел за собой двух парней.

— Садитесь, как дела ваши идут? Хорошо ли? Из этих ли мест, братцы? — спросил Ишанхан, небрежно здороваясь.

— Из этих мест, ака, — ответил один из парней, усаживаясь на корточки.

— Мы чапани[2], — сказал второй, — говорите, если не секрет, чем можем вам услужить?

Взяв спрятанную между двойным поясным платком блестящую табакерку, он подложил под язык насвай.

Ишанхан решил не тянуть разговор с парнями.

— Есть одно дело, друзья, тонкое дело... Тайна... В Кагне живет знаменитый бай...

— Знаем! Знаменит на весь мир! — безразлично сказал первый парень.

— Из города сегодня в его дом, — продолжал Ишанхан, — приехала девушка, подруга невестки бая... Девушку зовут Зумрад. Ровно в полночь, братцы, с крыши ли, через трубу ли, но проберетесь к ней и унесете. Поступайте, как вам вздумается. Воля ваша. Девушка в вашем распоряжении, а платить буду я.

Парни долго молчали.

Ишанхан вопросительно посмотрел на них.

— Ну?

— Не знаю, ака, из усадьбы бая не только девушку, но и курицу трудно украсть.

Вмешался в разговор второй парень:

— Девушка из города?

— Из города, — усмехнулся Ишанхан.

— Я знаю усадьбу бая, — задумчиво произнес первый чапани. — Она похожа на вал Искандера[3]. Короче говоря, гоните пятьдесят рублей.

— Правильно! — подтвердил второй чапани и выплюнул насвай.

«Дешево, — подумал Ишанхан, — не отказался бы отдать и сто».

Но, сделав недовольный вид, он с минуту сидел насупившись.

— Ладно. Только одно условие: девушку прикончите... Я согласен отдать вам не пятьдесят, а больше.

— Ого, — хихикнул первый парень, — обделаем все как следует... — Он поднялся с места. — Сегодня же ночью. — И словно в доказательство хлопнул себя по голенищу сапога, из которого торчала ручка ножа. — Пока!

Чапани удирали через огороды и сады, наконец на рассвете добрались до Аккургана. Уже рассвело, на улицах встречались люди, кто шел на работу, кто в мечеть.

Ишанхан, лежавший в одиночестве на супе, сразу же услышал осторожный стук в калитку.

— Ну, как дела? — В голосе чувствовалась дрожь, хотя приказчик старался не выдавать своего беспокойства.

Высокий чапани пробормотал:

— Дело — дрянь...

Не спеша, он подробно рассказал о случившемся: как они подошли к девушке, как она стала кричать, с каким трудом они спаслись бегством, перепрыгнув через забор.

— В наружной части двора гостей полным-полно. На айване спят девушки и женщины. Кого из них вы наметили жертвой — разве узнаешь сразу?! Короче говоря, произошла путаница...

— Сколько дней там будет гостить девушка? — спросил его друг.

— Оставь, братец, — сердито отмахнулся Ишанхан, — нет от вас, оказывается, никакого толку. — Бросив на землю папиросу, он придавил ее ногой и, повернувшись, хотел уйти.

— Ака, если об этом станет известно, не пеняйте на нас. Пошли! — сказал первый чапани, подталкивая друга.

Ишанхан помолчал, поняв смысл этих слов. Затем вынул из кармана папиросу, крепко сжал зубами и, достав из кошелька две бумажки, передал высокому чапани.

Тот заложил деньги за пояс, и парни молча, кивком головы попрощавшись, вышли на улицу.

Манзура утром расстелила дастархан, положила свежих маленьких лепешек, слоеных пирожков, сливочное масло, сливки, принесла ширчай[1].

Зумрад была расстроена. Без всякого удовольствия она попробовала угощение.

— Манзура, уехать бы мне...

— Куда ты торопишься! Побудь хоть до вечера, пройдемся по саду, погуляем.

Подруги сидели, вспоминая о ночном происшествии. Вдруг в калитке показалась Асалхон. Зумрад обрадовалась, они с Манзурой поспешили ей навстречу, усадили на айван.

— Была у родственников, у всех забота о куске хлеба, все голодные, к своему горю прибавилось новое... — вздохнула девушка. — С Навзы я шла пешком, совсем устала. Расспрашивала, расспрашивала и наконец нашла вас... — улыбнулась Асалхон, обращаясь к Зумрад.

— Как, нравится? — Манзура придвинула к гостье касу с ширчаем. — Берите, кушайте.

— Хороший сад. А земли много?

— Здесь настоящий рай... — улыбнулась Зумрад.

«Теперь свекровь и муж подумают, что у меня все подруги из бедных...» — обеспокоенно думала Манзура.

День прошел весело, незаметно, вечером девушки, распрощавшись, снова сели на арбу.

У дороги стоял Агзам. Он сказал, что скоро приедет в город. Обязательно разыщет там союз батраков. Взглянув на Зумрад, невольно подумал: «Такую бы девушку в жены взять, прожил бы, не зная горя...»

Зумрад что-то шепнула Асалхон и засмеялась. Мысли старика арбакеша были заняты веселой Асалхон. Со вчерашнего дня не давали ему покоя эти мысли: девушка простая, скромная, подошла бы Агзаму. «Даст бог, пошлю сватов...» — решил он про себя и громко крикнул:

— Чу!

Раздался резкий удар плетки об оглоблю арбы.

**Перевел с узбекского
Борис ПАРМУЗИН.**

---

[1] Таппи — кизяк, прикрепляемый для сушки к забору.

[2] Чапани — удалой, бесшабашный парень, способный совершать отчаянные поступки.

[3] Вал Искандера — легендарное укрепление, возведенное Александром Македонским.

[1] Ширчай — кипяченое молоко с чаем, солью, сливочным маслом и черным перцем.

Аскад МУХТАР

ЛЕНИНСКИЙ ОБРАЗ

Здесь талант не уверен в себе —
в силе красок, и в звуке, и в
слове.
Где тут век
в этой личной судьбе,
человек
в историческом слое?
Как разъять их и заново слить,
и сказать самому себе с правом,
что нашел настоящую нить,
не солгал этим найденным
сплавом,
что из края исхоженных тем
перешел в неоткрытую область,
за штампованным абрисом тем
угадав удивительный образ?
Все, что создано, перетряхни
ради точки, упущенной где-то,
из которой исходят штрихи
ненаписанного портрета.
Разве можно ей кануть во тьму
вместе с разною ветошью старой,
коль грядущее служит ему
обелиском,
Октябрь — пьедесталом?
О, задача совсем не проста!
Будем в поиске неутомимы,
ибо ленинская простота —
средоточие сложности мира.

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ.

●

Саида ЗУННУНОВА

ДОРОГИ

Лежат в пыли, накалены под солнцем
рабочие тела больших дорог.
И жар ладоней мне передается,
тот жар, что людям созидать помог.

Я слышу шум бульдозера, отважно
ведомого по гравию вперед,
я вижу: парень, утоляя жажду,
разбавленную пóтом воду пьет.

Здесь и машины, кажется, могли бы
по-человечьи ковш воды спросить.
Здесь вечно будут огненные глыбы
рассказы о сражениях хранить.

Соединяя города и страны,
вдаль уводя за каменный порог,
лежат дороги строками дастана,
полны надежд, свершений и тревог.

Перевела с узбекского
Т. КУЗОВЛЕВА.

●

МИРМУХСИН

РУКИ, ПОБЕЖДАЮЩИЕ СМЕРТЬ

Да, оперировать сердце живое —
Словно в полете чинить самолет.
Кто же способен на чудо такое?
Вот она в белом халате идет.
Славлю не строгую жрицу науки
И не улыбку приветливых глаз,
Славлю красивые, тонкие руки,
Смерть победившие тысячу раз!

Перевел с узбекского
Сергей СЕВЕРЦЕВ.

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

БАХОР...

Кто не побывал в Узбекистане, тот не может даже представить сотой доли чарующей прелести и ликующей красоты великого цветения, имя которому — бахор!

Бахор — это весна...

Бело-розовая кипень садов и холодные малахитовые воды каналов, нежная зелень хлопковых карт и черные могучие кроны карагачей, седые горные кряжи и юные хрустальные ручьи, древние медресе и храмы, сверкающие улыбки девушек, алый потоп маков, сияющие созвездия новых городов, и над всем разноцветьем победоносная бирюза неба — вот что такое б а х о р!

Нет человека, который мог хоть на миг забыть ослепительную радугу весны, кто не унес с собой навсегда образ бесконечно прекрасной и неповторимой земли, имя которой — У з б е к и с т а н!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

...Промелькнули серебряные электромачты, и прямая, как стрела, бетонка вынесла нас на простор.

Навстречу бегут холмы, выставив горбатые спины, шагают телеграфные столбы с натянутыми струнами проводов, идут неторопливые тракторы «Владимирцы» на высоких нескладных ножках. Дорога живет своей неповторимой жизнью. Кого только здесь не встретишь!

Обдавая горячей лавиной воздуха, проносится мимо желтый гигант— двадцатипятитонный гость из Белоруссии «БЕЛАЗ». Почти бесшумно, блестя никелем и огненным кузовом, мелькнет красавица «шкода».

Гремят, шумят, кричат встречные элегантные яркие грузинки «Колхиды», могучие серые ярославцы «ЯЗы», «МАЗы» и десятки других гостей со всех концов нашей Родины, примчавшиеся сюда помогать, строить...

Позади в сизой дымке остался Ташкент, в котором сейчас больше строительных кранов, чем деревьев, позади — шумный огромный город, впереди — дальний путь.

«Хуш келибсиз!» — написано огромными буквами на красном щите по левую сторону шоссе. «Добро пожаловать!» — начертано напротив. Эти слова будут не раз встречать и провожать нас на гостеприимной узбекской земле.

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Дорога. Великая книга. Страницы — километры, текст — сама жизнь.

Пыль. Жара. Неоглядная степь. Выгоревшее оловянное небо. Раскаленное шоссе, жажда.

Вдруг в ста метрах впереди на дороге, откуда ни возьмись, заиграла вода. На спидометре — 100 километров. Вот сейчас ворвемся в прохладное, водяное царство... Проходят минуты, секунды... Но рай ускользает от нас, впрочем, как всякий рай.

Мираж...

Голодная степь. Она, подобно древнему Янусу, двулика. Лик первый: первозданная дикость. Седая, словно в инее, земля,— солончаки. Полынная гарь, бугры, безлюдье. Неродиха! Лик второй: цветущие сады, виноградники, бахчи, урожаи хлопка. Новые города. Изобилие!

...Закат. Солнце, огромный золотой бубен, водит над равниной хоровод багровых рваных туч. В лиловом, вечернем мареве пылят десятки черных жуков — скреперы, бульдозеры, тракторы,— они ровняют, вспахивают карты будущих полей. Рядом, как зубчатый хребет допотопного гигантского ящера, вздыбилась бурая, почти красная в вечерних лучах земля. Экскаваторы роют канал. Мало кто знает, что в Узбекистане каждый год механизмы производят земляных работ в два раза больше, чем при строительстве Панамского канала.

В о д а! Вот начало и конец жизни Голодной степи. Ее богатство и бедность. Ее радость и горе...

Солнце село. Быстро темнеет. В синей дали загораются огни.

ГОЛОСА ЗАРИ

Высоко в заревом зените трепетала розовая звездочка — жаворонок. Он метался, бился, как крошечный пульс на огромном голубом виске неба.

Тихо в доме Аблакула Султанова. Только когда налетит степной ветер и отворит двери, становится слышно, как шепчутся тополя. Заря заглядывает в окно. Над книжкой сидит девушка. Инобат, невестка хозяина, готовится к зачету в университете...

Разбив синюю тишину, пропел петух. Заблеяли козы. Захлебываясь, спросонок забормотал индюк. Из дома вышел, зевая, кот и по-хозяйски обошел двор. Воркует горлица на телеантенне...

Хороший дом построил Аблакул. Хороший сад посадил. А ведь семь лет тому назад на этом месте были дикие солончаки и больше ничего. Туго пришлось вначале первым новоселам. Но крепко взялись за дело — и степь отступила. А теперь здесь совхоз № 6 имени Германа Титова. Ушла в прошлое пора палаток. Сейчас совхоз — миллионер. И в этом немалая заслуга Аблакула и молодой Инобат Ахуновой — комбайнера, бригадира.

Заря набирала силу. Через черное решето ветвей больно ударили в глаза золотые стрелы восхода. Заревел густым надрывным басом бык. Взошло солнце.

«Говорит Москва,— послышался голос диктора.— Передаем сообщение о Ленинских премиях»... Тут голос в репродукторе заглушил треск разрядов, но вскоре я услышал обрывок фразы: ...Турсуной Ахуновой... за внедрение комбайна «ХТ-1,2».

«Ведь Инобат — родная сестра Турсуной»,— едва успел подумать, как увидел выбежавшего из дома Аблакула.

— Ты слышал?— радостно закричал он.

4 000 000

Пряный запах дурманит голову. Цветет урюк, вишня, яблони. Степной ветер срывает цветы, и они снежными хлопьями падают в темную воду канала, плывут белыми, розовыми корабликами.

Молодежь — трактористы, шоферы — загорелые парни в пестрых ковбойках, в белых рубашках, девушки в ярких платьях окружили бригадира Инобат Ахунову. Наперебой поздравляют ее с успехами Турсуной.

— Рахмат, катта рахмат,— смущаясь, отвечает Инобат.— Вы Турсуной поздравляйте, а не меня.

Инобат очень хороша. Черные, будто лаковые, волосы повязаны алым шелковым платком.

— Наше с вами дело — четыре миллиона...

Рядом бегут бесконечные бетонные лотки, в них спешит вода — напоить хлопок. Тарахтит над бескрайними полями совхоза самолет, маленький трудяга, подкармливает посевы. Журчит вода в глубоких колодцах коллекторов, звенит в закрытых дренажах, промывает соленую почву. Стоят рядами именинники «ХТ-1,2»— хлопковые комбайны (их в совхозе 150). Ждут уборки...

Белое золото Узбекистана — хлопок. 4 000 000 тонн — подарок Октябрю.

На дорогах, на стенах школ, домов — везде красочные щиты, транспаранты, лозунги, плакаты.

4 000 000 — и ни грамма меньше!

ВОРОТА ТАМЕРЛАНА

— Ок иулы!— кричат, провожая нас, два журавля. Они долго летят рядом с машиной, большие, удивительно милые птицы...— Ок иулы! Счастливого пути!

— Ок иулы,— журчат арыки, поблескивая веселой рябью. Счастливого пути нам желают цветущие деревья садов, покачивая вслед пушистыми ветками. Нас провожают белые домики газопровода:— Ок иулы! Ждите наш газ в Москве...

...Острый, как меч, луч солнца рассек мир пополам. Над странно побелевшим шоссе с резким криком носились ласточки. Зарницы судорожно рвали косматые края черных туч.

Первые капли дождя разбились о ветровое стекло, и через миг обрушился ливень. Нет, это нельзя было назвать ливнем, это была лава, стена воды. Машина превратилась в батисферу. Не хватало только рыб...

Ливень исчез так же внезапно, как и начался. В свинцовой пелене туч открылось голубое окно неба. Все стихло. И тем страшнее, в молчании, неслась вдоль шоссе, а порою захлестывая асфальт, бешеная, желтая, в клочьях белой грязной пены вода. Она тащила обломки досок, деревьев, пустые ящики.

С е л ь. Сколько бед приносит он, смывая посевы, губя урожай, разрушая мосты и дома...

...К вечеру мы подъехали к Воротам Тамерлана. Гроза была далеко, и лужи грязной воды по обочинам шоссе лишь напоминали о ливне. Под нами, ворочая камни, ревел вспененный Санзар.

Позади на фоне грозовых туч высоко в зените аркой, перекрывая полнеба, опрокинулась небывалая, в три спектра радуга...

ДРЕВНЕЕ СЕРДЦЕ АЗИИ

Хмурые сумерки окутали холмы Афрасиаба. В вечернем мареве вдали — древние силуэты Старого города.

Самарканд. В пятый раз подъезжаю к тебе и все же волнуюсь. Банально. Но что поделать. Мне совестно, но я волнуюсь.

Бывают города, история которых за многие столетия бытия не изобилует событиями и не балует нас громкими именами. Самарканд. Город, где в неописуемой тесноте столпились великие полководцы, мыслители, поэты.

Александр Македонский, Чингисхан, Тамерлан, Улугбек, Навои и многие, многие другие проходят по каменным страницам летописи города.

«Мы живем в особо знаменательные времена: тысячелетние соборы срывают, а императорские троны сваливают в чуланы»,— писал Гейне. Прошло полтора века, и по поводу этой фразы можно заметить, что то, что касается императоров,— бог с ними. А храмы все же стоит беречь.

К счастью, за последнее время мы наконец это хорошо поняли. Создан заповедник в славном городе Суздале. Скоро будет городом-музеем Хива!

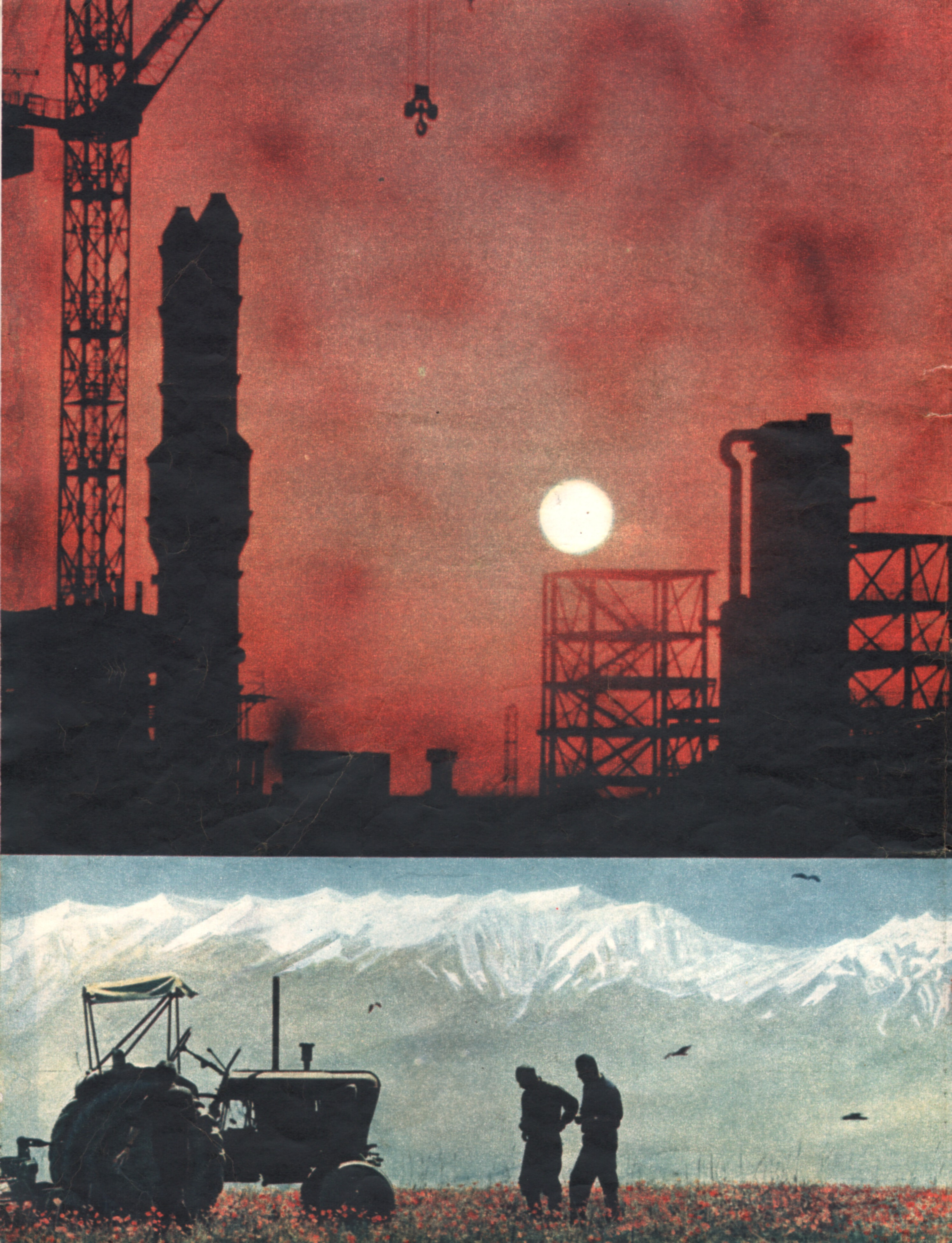
В самые суровые для Родины годы, годы становления Советского государства, Ленин дал указание о выделении средств для реставрации древних памятников Самарканда. Бонч-Бруевич вспоминает: «Нельзя не отметить, с каким особым вниманием отнесся Владимир Ильич к необходимости ремонта известной исторической мечети в Самарканде — этого изумительного достижения восточного искусства»...

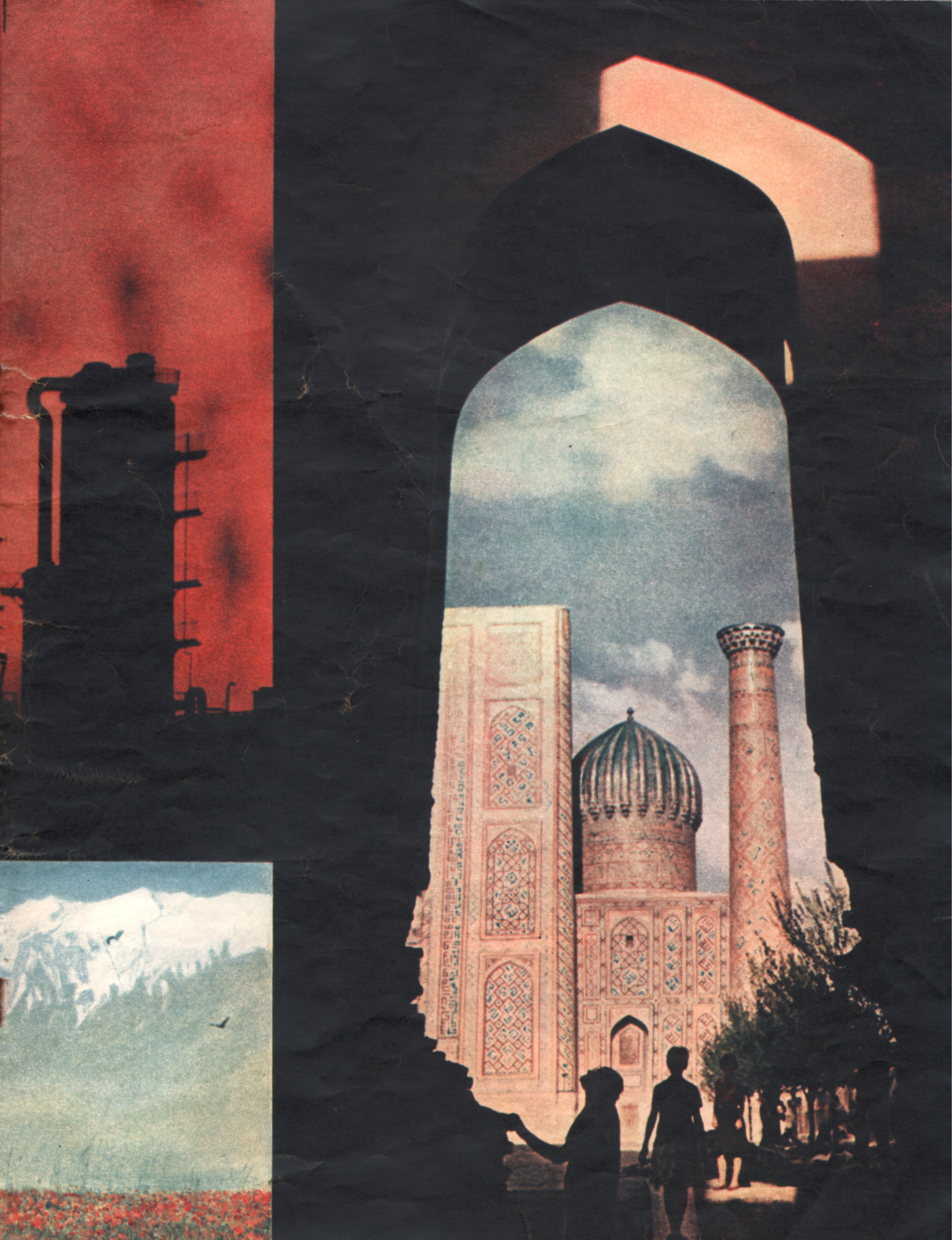
На вкладке:

Незабываемая картина юбилейной весны Узбекистана. Хорош плов на празднике в Вуадиле. Председатель колхоза имени В. И. Ленина, Папского района, Ферганской области, Ахматджон Адилов... Цветут маки у Ворот Тамерлана. Шестьдесят косичек на троих. В саду совхоза № 6 — Голодная степь. Шагают мачты. Добрые аисты Бухары. Звучат трубы на берегах Шахимардана. Дорога на Ургут. Ташкент строится. Дети, цветы, весна. Золотошвея Мумина Саидова из Бухары. Узбекский каракуль. Самые смелые — канатоходцы.

Н а р а з в о р о т е в к л а д к и: Ферганский завод азотных удобрений. Новые земли. Ахангаранский совхоз. Ташкентской области. Самарканд, древний Регистан.

Вечный огонь у монумента вечной славы героям в Фергане.

Инобат Ахунова — знатный механизатор совхоза № 6. Голодная степь.

...Ночь опустилась на город. Луна озаряет призрачным светом бирюзовые купола, минареты, величественные руины. Огромной льдиной высится в черном небе Биби-Ханым. Глухо кричит сова, эхо вторит ей в гулких пролетах арок. Слышится, будто тяжко звучат шаги хромого Тимура по каменным плитам двора мечети.

Черное небо Самарканда звездной дробью бьет без промаха прямо в душу, оставляя неизгладимый, немного печальный след.

ИНОБАТ И ЕЕ ПОДРУГИ

Утро. Кроны высоких деревьев с трудом пропускают солнце, лишь немногие лучи пробивают густую зелень. Солнечные зайчики зажигают розовые, палевые рефлексы на стенах домов, рассыпают серебряные блики на асфальте, зажигают радугу на цветастых национальных платьях сотен девушек, толпящихся у входа в большой старый дом, утопающий в зелени,— САМГУ.

САМГУ — Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои. В этом году он празднует свой сорокалетний юбилей. За эти годы из его стен вышло одиннадцать тысяч специалистов самых разных профессий. В фундаментальных фондах его библиотеки хранится около миллиона книг по всем отраслям науки. В его стенах собраны редкие экземпляры сочинений выдающихся мыслителей, ученых, поэтов Древнего Востока...

Всего полвека назад из ста узбеков только двое умели читать и писать. Высших учебных заведений не было вовсе. Теперь в Узбекистане на каждые 10 тысяч жителей сто сорок два студента вузов, тогда как в Соединенных Штатах Америки — всего сто двадцать, во Франции — пятьдесят, в Италии — сорок.

Инобат Ахунова и многие ее подруги из совхоза № 6 учатся заочно в САМГУ и станут агрономами, экономистами, историками...

Радуга, настоящая радуга знания расцветает в старом Самарканде. Вы хотите убедиться в этом? Приходите утром к зданию университета имени Алишера Навои...

ДОБРЫЕ АИСТЫ БУХАРЫ

Дорога убегала от нас пологими увалами, черная, жирная от накатанного гудрона, похожая на влажную спину морского льва. Огромная голубая пиала неба раскалилась от солнца. Жар давил, казался зримым...

Бухара. Как она не похожа на Самарканд! Казалось бы, то же: мечети, минареты, медресе... Но здесь все другое. В отличие от бирюзового чудо-Самарканда Бухара пепельно-серая. Ее великие памятники сложены из кирпича, который сам по себе и представляет основной декоративный мотив архитектуры.

Есть еще одно замечательное свойство Бухары. Старый город в основном состоит из действительно старинных, одноэтажных построек, которые никак не нарушают целостности ансамбля. Он мало застроен новыми случайными зданиями.

Еще одна любопытная и трогательная подробность, отличающая Бухару. Минареты и купола мечетей — а их в городе десятки — увенчаны огромными шапками — гнездами аистов. И пока вы разглядываете памятники, то с одного, то с другого минарета поднимаются белые птицы и улетают по каким-то своим, аистиным делам.

Самый высокий минарет — Калян.

...Спиральная лестница. Виток за витком ведут нас сто пять ступеней наверх. Через узкие проемы окон-амбразур струится свет, неярко освещая стертые ступени.

Восемь с половиной веков. Тысячи прикосновений людских рук отполировали до блеска кирпичные стены.

Горячий ветер доносит с улицы запахи восточных пряностей: корицы, гвоздики, перца и бензина — этого непременного компонента городов XX века.

Чем выше подъем, тем больше на ступенях перьев птиц. Ведь на минарете Калян тоже живет аист. В городе его зовут аист-президент.

ГОРОДУ-МУЗЕЮ БЫТЬ!

Муэдзин-хона. Подъем окончен. Отсюда когда-то муэдзины призывали верующих на молитву. И отсюда, по преданию, сбрасывали людей, обвиненных в преступлениях.

Через стрельчатые окна видна во всем своеобразии серо-пепельная глиняная Бухара.

Своды купола Муэдзин-хоны исчерчены сотнями надписей, содеянных славолюбивыми невеждами: «Сооружение сему оказали честь своим присутствием А. Хамкин и З. Салимджанов», или рядом — «Помните нас, предки!» — подпись неразборчива. В самом зените купола огромными красными буквами сообщено: «Копейкин был здесь».

Гудит ветер, донося снизу крики петухов, шум автомобилей, пестрое разноголосье Старого города.

Далеко-далеко, в пыльном мареве краны и леса стройки — новой Бухары.

Как хорошо, что эти стройки далеко от Старого города...

Вечером мы ходили по новому городу с первым секретарем Бухарского обкома партии Муртазаевым. Пред нами — великолепие нового, которое, существуя, не разрушает гармонии старины.

— Я думаю, что старая Бухара будет городом-музеем, которым станет любоваться весь мир,— сказал на прощание Каюм Муртазаевич Муртазаев.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

— Вы были в Голодной степи, Самарканде, Навои и Бухаре,— сказал, улыбаясь, писатель Ибрагим Рахим,— и вы думаете, что увидели и поняли Узбекистан. Нет, если не побываете в Ферганской долине, в Фергане, вы до конца не почувствуете и не осознаете душу Узбекистана.

Мы не стали спорить...

Трактор черным шмелем гудит, нарушая необъятную тишину долины. Ему вторят грачи, неотступно кружащие над бороздой. Грачиный грай. Если закрыть глаза, то мгновенно перенесешься домой, в Россию...

Гудит «Владимирец», неспешно пашет целину. Далеко занесла его судьба. Наверно, не один месяц идти бы ему своим ходом с родного завода в Ахангаран, к этим предгорьям, которые обнимают долину, загораживая ее от ветра широкими плечами.

Гудит «Владимирец», один посреди огромного мира... А во внезапно наступившей тишине стало слышно, как совсем рядом гудит другой работяга — настоящий черный косматый шмель. Он летает с цветка на цветок, неуклюжий и медленный, среди быстрых золотых пчел.

Цветет яблоня. Ее белые цветы грудой смятых кружев закрыли стальную графику мачты высоковольтной передачи.

Да здравствует вечное очарование — весны, цветущих деревьев, весенних зорь...

НА ТРАССЕ — АНГРЕН

Развилка трассы. Синяя доска с белыми стрелами: Алмалык — Ахангаран — Ангрен...

Опять маки и панорама огромных заводов. Дымы всех цветов и трубы, трубы, трубы. Большая химия Узбекистана...

Ангрен. Черная земля. Гигантские открытые карьеры. Уголь. Железнодорожное полотно, платформы. Все черным-черно. Огромные градирни ТЭЦ. И снова маки, поля маков, цветущие акации, и на фоне их — снежные вершины гор.

Природа, как и все великие художники и поэты, решает самые сложные задачи самыми, казалось бы, простыми средствами, то есть сочетанием скупых звуков создает сложнейшее симфоническое звучание. Только надо постараться увидеть и услышать это.

Казалось, что может быть запутаннее и сложнее сочетания сурового индустриального пейзажа, мирной картины цветущей долины и, вдобавок ко всему, романтического звучания гор? Сколько деталей, сколько частностей... Голова идет кругом!

Уголь, маки, снег — вот символ этой встречи с природой. Это не означает, что в этой картине нет места птицам, людям, цветам, звукам, запахам, солнцу...

Таково первое впечатление... Импрессион.

«Импрессионизм»,— подумал я, и что-то внутри у меня оборвалось. Ведь двадцать лет назад импрессионизм считался (правда, не самыми умными людьми) чуть ли не крамолой.

Но это было давно...

ОТКРЫТАЯ ДУША

Вы никогда не встретите столько черных косичек, сколько их было на празднике весны в Вуадиле. Вы никогда не увидите таких огненных черных глаз, таких ослепительных улыбок, какие были в Вуадиле.

В прозрачной прохладной тени чинар еще ярче горят праздничные, яркие цвета девичьих платьев. Кажется, будто радуга играет на тенистых берегах Шахимардана. Горят на солнце желтые, оранжевые, красные платья девушек и розовые, лиловые, фиолетовые букеты цветов. Горделиво выступают аксакалы в халатах цвета индиго, кобальта, ультрамарина.

Импровизированная эстрада у подножия гигантской чинары. Сотни людей расположились на ее ветвях, у подножия огромных корней.

«Я ухожу далеко. На кого теперь будет смотреть моя любимая?» — запел народный певец Тавакал Кадыров. Задумчивыми стали лица веселых хохотушек. Притихли парни в белых рубашках и в черных чустских тюбетейках...

Поют карнаи. В них — все солнце Азии. Огромные, золотые, они поют славу весне.

Звучат трубы, гремят барабаны, цветут розы в тонких девичьих руках.

Шумит, шумит Шахимардан-река... Катит свои темно-зеленые прохладные воды.

Вуадиль — по-русски — открытая душа.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Узбекистан — зеленая страна. Большинство ее городов утопает в зелени. Но какой эпитет, какие слова найти, чтобы описать Фергану? Фергана — сад! Парк! Роща! Аллея! Лес! Любое из этих слов подойдет, ибо Фергана — это могучее, всеобъемлющее зеленое море, в котором плавают дома, фабрики, заводы. А ферганцам все мало. На пороге города — огромный щит с призывом: «Превратим Фергану в цветущий сад!»

Вечерело. На нас мчались стены зеленого туннеля. Нас окружала зелень. А мы зеленели от зависти к ферганцам.

Небо — розовое сюзане — ловило убегающее солнце, но солнце пряталось за кроны деревьев, за электромачты. Вот оно закатилось за высокие, как минареты, башни завода азотных удобрений. Тут-то и поймал его... Дмитрий Бальтерманц, охотясь вместе с небом. Но, видно, репортеры быстрее. Посмотрите на цветную вкладку... Кстати, вы найдете там многое из того, что написано в этих зарисовках. Ведь мы ездили вместе.

...Тихий майский вечер. На бледнеющем небе тонкий серп молодого месяца, рядом — голубая звезда. Темные купы деревьев. Ферганский городской парк культуры и отдыха имени Горького.

У темно-зеленого, почти черного хауза стоит высокий обелиск, у подножия которого пылает вечный огонь — символ неувядаемой славы красногвардейцев, павших в боях за власть Советов. У памятника груды венков, живых цветов: тюльпанов, маков, роз...

На мраморной плите высечена надпись: «Героям народа вечная память. Здесь захоронены герои-красногвардейцы и командиры Красной Армии, павшие в борьбе за власть Советов в Ферганской долине в 1918—1924 годах».

Люди стоят у монумента в раздумье. Много молодежи. У самого огня играют малыши, им нравится живой огонь.

Где-то далеко звучит духовой оркестр. Тихо шелестят зеленые кущи Ферганы...

ОТРАЖЕННОЕ В ВОДЕ

Маргелан. Главный инженер фирмы «Атлас» Нисим Зауров приводит нас в ассортиментный кабинет.

— Мы производим абровые ткани,— поясняет он.— Абр — значит облако, отраженное в воде.

Как точно нашел народ определение радужной раскраске атласа! Именно подобно отражению в воде расплываются, переходят один в другой, расходятся чудесные рисунки ярчайших красок.

В полумраке кабинета мерцает на стенах более ста образцов рисунков знаменитого маргеланского атласа.

Нисим включает сильный свет, и на стенах мгновенно расцветает радуга.

— А вот наши подарки к празднику,— говорит он, развертывая штуку материи.

Перед глазами расцветает букет весенних цветов. «Ёшлик» — «молодость»,— читаем мы на этикетке.

Горят, поют драгоценные краски тканей...

ДУРДОНА, БАХОР, БРЕСТ...

Дурдона — значит жемчужина. Дурдона отлично знает, что она хороша. Стройная, с золотистосмуглым лицом. Черные с синим отливом косы окаймляют драгоценной рамой мягкий овал лица. Когда Дурдона улыбается, ее глаза вспыхивают черными искрами, а когда засмеется, то в полураскрытых губах будто блеснет влажный жемчуг. Если хотите убедиться, не придумал ли я чего, посмотрите обложку журнала, и все вам станет ясно...

Мы увидели ее впервые в Ташкенте, а сегодня встретились в Бресте, на декаде узбекского искусства в Белоруссии. Перед концертом в простом платьице маленькая, худенькая, совсем другая, чем на сцене.

— Я потрясена встречей с Белоруссией,— говорит Дурдона.— Я немало поездила, но эти дни как-то особенно ярко останутся в памяти...

Мы ехали в колхоз «Россия», на праздник весны. Кругом дремучий бор — сосны. На поляне эстрада. Люди в белых, пестрых национальных одеждах на траве, как цветы. Было солнечно, жарко, пахло хвоей, лесом, цветами.

Начался концерт. Перед выступлением брянские девчата Нина Старченко и Катя Помозова вручили букеты розовых пионов девушкам из Узбекистана. Среди них была Дурдона. Огромный зал Брестского дома политического просвещения вздрогнул от оваций.

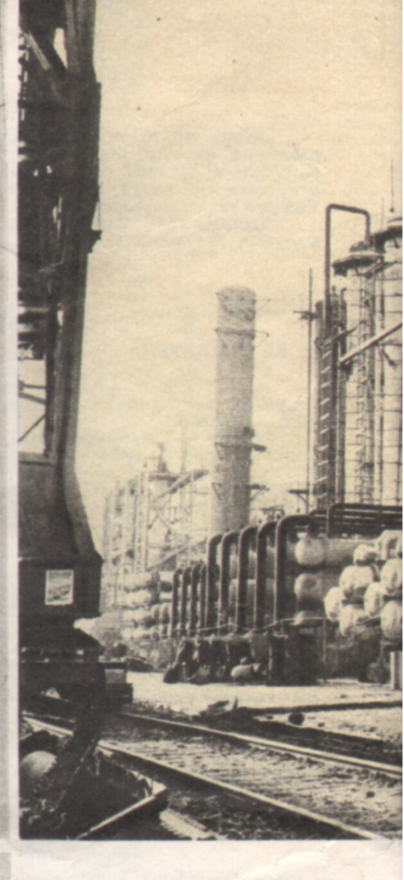
— Няхай жыве брацкая дружба узбекскага і беларускага народаў! — кричит чей-то юный голос из зала.

И снова — обвал аплодисментов.

— Привет вам от земляков-белорусов — строителей Ташкента! — звонко кричит в притихший зал Дурдона...

...Бахор — весна — везде хороша!

УЗБЕКСКАЯ ЕВПАТОРИЯ

Сероводородные воды источников Чемион, что в Ферганской области, ничем не уступают мацестинским. Тут начинается строительство курорта на тысячу мест. А Чартакский санаторий, принимающий сейчас семьсот больных, будет расширен, станет бальнеологической здравницей и сможет принять втрое больше людей, чем сегодня.

К голубому Аралу, в Муйнак, отправилась экспедиция Ташкентского института курортологии и физиотерапии имени Семашко. Ее задача — найти место для морского курорта типа Евпатории. Пляжи Южного Арала исключительны. Чистый песок тянется на десятки километров.

К концу пятилетки в Узбекистане будет своя Евпатория.

●

Так повелось исстари. В каждый народный праздник звучит карнай — национальный музыкальный инструмент. ▼

Суянбай Айнакулов — мастер поливов в колхозе имени Ленина. Сберечь каждую каплю влаги, напоить вдосталь каждый куст хлопчатника — нелегкое дело.

●

К выставке охотничьих трофеев

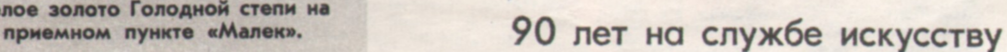
Грохот вертолета разбудил тишину гор и потревожил ее обитателей: дикие козлы и кабаны обратились в бегство, то и дело взлетали стайки горных куропаток. А «МИ-4» все кружит и кружит над Майданталом, самым диким и самым большим участком Чаткальского горно-лесного заповедника. На борту — экспедиция. Она прибыла сюда за необычными трофеями для международной выставки, которая этим летом откроется в Югославии.

Исключительно богата фауна заповедника: громадное количество козлов, кабаны и дикобразы, барсуки и куницы населяют горные леса. В Майдантале живет снежный барс, белокоготный медведь, гималайский улар...

О жизни республики рассказывает коллективный корреспондент «Огонька» — газета ПРАВДА ВОСТОКА

Фото А. Палехова.

Белое золото Голодной степи на приемном пункте «Малек».

90 лет на службе искусству

Недавно Ата Палванову, знаменитому хивинскому мастеру резьбы по дереву, исполнилось сто лет. Девяносто отданы искусству. Десятилетним мальчиком взял он в руки резец, чтобы помогать своему отцу Палвану Саттарову. В шестнадцать — уже делает под наблюдением отца резьбу на дверях медресе Ислам-ходжа и на потолке зала Нурулла-бая.

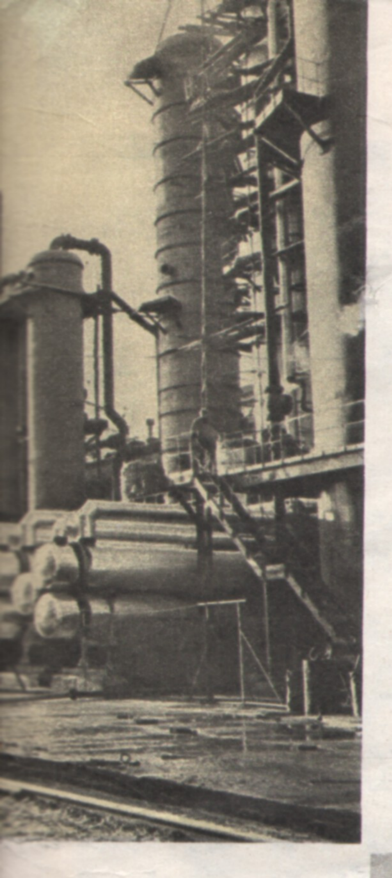
В 1937 году на Международной выставке в Париже работы Ата Палванова были удостоены диплома первой степени и медали «Золотая Звезда».

В театре имени Навои в Ташкенте он принимал участие в оформлении хивинского зала, одного из самых красивых.

Произведения мастера Ата Палванова хранятся в Хорезмском историко-революционном музее, в Историческом музее Академии наук Туркменской ССР и в Музее искусств Узбекистана.

Хива.

Сокровища доступны каждому

Подлинные гравюры Рембрандта, Дюрера, Тьеполо, Ван-Дейка! И это не в Русском музее, не в Эрмитаже, а в Нукусе, столице Каракалпакской автономной республики — самого северного района Узбекистана. Здесь год назад открылся музей искусств. В его залах — экспозиции самобытного народного искусства каракалпаков и древнего Хорезма, полотна узбекских художников.

На днях музей познакомил зрителей со своими новыми приобретениями. Это графика и живопись народных художников Узбекистана А. Н. Волкова, Н. Г. Карахана, Н. В. Кашиной, заслуженных деятелей искусств республики М. И. Курзина, В. Л. Рождественского. Все экспонаты музея доступны не только нукусцам: его сотрудники часто организуют передвижные выставки, кочуя с ними по пастбищам, гостя у рыбаков, рисоводов.

◄ **Среди пустынных просторов Кызылкумов, в молодом городе Навои, вырос крупнейший в Средней Азии химический комбинат.**

▲ Веками лежала под солнцем сухая, безводная земля. Чимкурганское море, созданное руками человека, изменило пейзаж Каршинской степи.

МЛАДШАЯ СЕСТРА

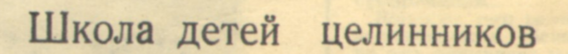
Утвержден проект строительства нового телецентра в Ташкенте, рассчитанного на четыре черно-белые, цветную телевизионные и три радиовещательные программы. Это будет комплекс крупных сооружений, отвечающий последнему слову техники.

Трехсотпятидесятиметровая башня нового телецентра поднимется над городом. Три могучие опоры несут на себе металлическую башню, в которой разместятся мощные передающие устройства. На высоте двухсот метров — смотровая площадка и ресторан. Тридцатиметровый в диаметре, он будет вращаться, делая за час один оборот.

Вот некоторые данные о географии узбекского телевидения. Передачи из Ташкента по трем программам смотрят Ферганская долина, Гулистан, Самарканд, Бухара, Карши, Термез. К программам из Фрунзе и Алма-Аты у нас уже привыкли. Их смотрят ежедневно.

К концу этого года Ташкент сможет принимать программы из Нукуса и Ургенча, Ашхабада и Душанбе, Тбилиси, Баку, Еревана.

▲ **Ахмед Эганбердиев — рабочий-газовик Газлинского участка.**

Для парижских гурманов

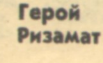
В прошлом году из Узбекистана во Францию было отправлено самолетами 49 тысяч черепах. Это, однако, удовлетворило лишь малую толику потребности парижских гурманов в нежном черепашьем мясе. Из Франции пришли новые, более крупные заказы. Кроме того, итальянцы хотят покупать консервированное мясо черепах, а французы — панцири и черепашью кожу.

▼ Эти забавные красочные игрушки украшают стенды выставки в Монреале.

Школа детей целинников

Три года назад в Талимарджане, первом поселке покорителей Каршинской степи, была открыта школа для детей целинников. Тогда в ней занималось только... шесть малышей. К началу нынешнего учебного года в Талимарджане выросла новая школа на 960 мест и в поселке Южный — на 640 мест.

◄ **Герой Социалистического Труда Ризамат Мусамухамедов — чародей виноградной лозы.**

Ходжамурат **ТУРУМБЕТОВ**

ТРОПИНКА

Небольшая тропинка
отходит от этого дома.
Поначалу видна,
но потом разглядеть все трудней.
И теряется в далях...
А синее небо бездонно,
и смыкаются травы,
как толпы людские, над ней.
Но уйдет ли от памяти?..
Стоит получше вглядеться —
и не чьи-нибудь здесь,
а свои обнаружу следы!
О степная тропа,
ты дорога из зрелости в детство,
и в тебе они вместе,
как в кадре едином, слиты.
О степная тропа, посмотри:
босоногим мальчишкой,
торопясь на уроки,
к звенящему где-то звонку
по тебе, по тебе
с букварем и тетрадкою чистой,
по тебе, по тебе
через долгие годы бегу.
Вот весенняя степь
над тобой наклонилась цветами,
все потоки заката
слились в раскаленной реке,
и иду по тебе я
на первое в жизни свиданье,
сердце — птицу степную —
зажав осторожно в руке.
Вот шуршанье газет
разразилось неслыханным
громом:
налетела война!
И опять по тебе, по тебе
ухожу я из дома
навстречу безвестной, огромной,
всенародной, своей,
беспощадной и гордой судьбе.
Отгремели раскаты,
и минули пули и раны.
И иду я обратно,
натруженный шаг торопя.
Возвращаюсь я к миру —
в войне обретенному раю.
Материнской слезою
меня ты встречаешь, тропа!
Бесконечная лента!..
Еще рассказать ей о чем бы?
Вот иду на работу
у степи у всей на виду;
вот опять уезжаю далёко —
в Москву на учебу...
И веду с собой память —
как будто коня в поводу!
Эта тропка
далеко уводит от нашего дома.
Поначалу видна,
а потом разглядеть все трудней.
Поспешает в траве
и торопится к далям
раздольным...
О степная тропинка!
Длина ее — тысячи дней!

Перевел с каракалпакского
А. НАУМОВ.

●

Этибор **АХУНОВА**

СЛУШАЯ ПЕСНЮ

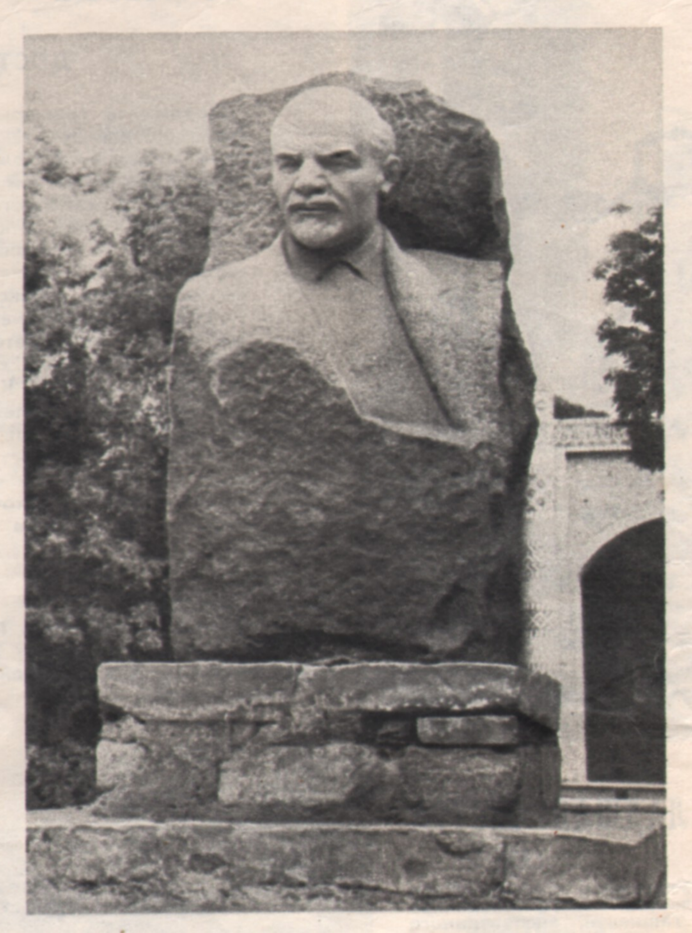
Вот песнь летит.
И солнечнее в мире.
И мысли беззаботны и просты.
Печаль и слезы место уступили
порыву вдохновенья и мечты.

А песнь звенит в садах,
к холмам взлетает,
качается меж виноградных лоз.
И поливальщик, слушая, вздыхает,
как будто друга встретить довелось.

И девушки, склоненные над хлопком,
внезапно замирают, просветлев,
и на парней поглядывают робко,
что подхватили песенный напев.

Крылатому, ему под солнцем тесно,
он мчится дальше, радостью дыша.
Однажды очарованная песней,
и днем и ночью вторит ей душа.

Перевела с узбекского
Т. КУЗОВЛЕВА.

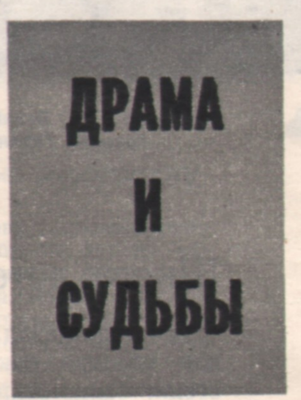

Памятник В. И. Ленину в Хиве

Этот памятник Владимиру Ильичу Ленину установлен в Хиве в 1924 году. Памятник по железной дороге был доставлен в Чарджоу, Туркменской ССР. Оттуда на лодке по Аму-Дарье до пристани Чалыш, Ургенчского района (расстояние — 460 километров), а с пристани на тракторе был перевезен в Хиву.

Карим **КАРИМОВ**

Фото автора.

В последние годы в Узбекистане один за другим прошли писательские юбилеи — шестидесятилетия. Гафур Гулям, Айбек, Уйгун, Назир Сафаров, Сабир Абдулла... Могучая когорта юбиляров!.. Они стояли у истоков рождения новой, советской узбекской литературы.

Сколько же им было лет, когда они начали закладывать фундамент социалистической национальной культуры?.. Эта ответственная миссия легла на плечи совсем молодых творцов. Вот с кого «делать жизнь» молодым современным писателям!..

Среди зачинателей узбекской советской литературы — имя Камиля Яшена, которому через два года исполнится тоже шестьдесят лет. Ему принадлежит видная, основополагающая роль в развитии советского театра в Узбекистане.

Пьесы К. Яшена — это драмы в полном смысле этого слова. Напряженное действие. Сталкиваются сильные характеры. Ломаются судьбы. Льется кровь... И во всем — большая правда жизни, правда истории на тех ее переломных этапах, которые К. Яшен делает объектом изображения.

Я бы сказал, что главная тема почти всех его драм — революция. Причем революция не только как конкретно-историческое понятие (революция 1917 года), но и как обобщенное — применительно к различным сферам действительности.

В драмах «Гульсара» и «Нурхон» героини-узбечки

Камиль Яшен. Пьесы. Издательство «Советский писатель». Избранное в 2 томах. Издательство «Ташкент».

Завещанная фамилия

Произошло это в ноябре 1941 года.

Тяжелый, неравный бой. Бойцы и командиры 725-го стрелкового полка сдерживают натиск фашистов. Отдан приказ отойти на новые позиции. В это время получает тяжелое ранение капитан Мельников.

Среди разрывов, среди шквала огня и свинца выносит с поля боя своего командира боец Халил Кашамов.

Уже в полевом госпитале в последние минуты жизни (ранение оказалось смертельным) капитан спросил бойца:

— Что бы ты хотел, друг, получить от меня на память о нашей дружбе?

— Вашу фамилию, командир. Чтобы всегда Мельниковы были в строю.

— Завещаю тебе фамилию...

Вот, пожалуй, и все, что произошло в ноябре 1941 года. Надо сказать, что тогда же политотделом 725-го стрелкового полка была присвоена бойцу Халилу Кашамову фамилия погибшего командира. Двадцать шесть лет носит ее участковый уполномоченный узбекского кишлака Соха. И не только он один. Семья большая: жена Ибратхон Мельникова и шестеро детей. Всех их вы видите на нашем снимке.

— Смотрите,— шутит глава семьи,— Мельниковых в нашей стране стало больше. Жаль, что ничего не знаем мы о семье моего командира Ивана Тихоновича Мельникова. Перед смертью он назвал имя своей дочери Людмилы. Жива ли она?

Может быть, публикация этой заметки поможет найти родственников И. Т. Мельникова.

М. КОСЫХ

Кишлак Сох.

Фото автора.

Фото В. Кожевникова.

ГОЛУБОЙ КОРАБЛЬ

Мустаким ЮСУПОВ,
мастер механосборочного цеха завода «Ташсельмаш»,
Герой Социалистического Труда

Ее зовут «ХТ-1,2». Можно расшифровать буквы и цифры и объяснить, что это хлопкоуборочная машина.

Но, поверьте мне, наша машина — живое существо со своеобразным, удивительным характером.

Как ловко она захватывает куст хлопчатника и берет его в оборот: снимает раскрывшиеся коробочки, наматывает волокно, перебрасывает его в свой большой заплечный мешок — бункер! Но куст хитер, он сожмет ветви и спрячет коробочки. Он хитер, а машина еще хитрее: на секунду выпустит куст, он распрямится, расправит ветви и тут же, в тот же самый момент он снова в руках нашей машины. Теперь она оберет его до нитки!

Есть у «ХТ-1,2» американский собрат, тоже комбайн. Выпускает его знаменитая фирма. Машина неплохая. Только на Международной выставке сельскохозяйственной техники специалисты отдали предпочтение нашей. Причина? Судите сами — работает производительнее, хлопок с куста собирает полнее, сам хлопок чище, на землю его падает меньше. Вот и весь характер!

О нем еще хорошо могла бы рассказать Турсуной Ахунова. Недавно мы поздравляли ее с Ленинской премией, которую она получила в этом году за внедрение нашего хлопкового комбайна в сельское хозяйство. Турсуной приезжала и к нам на завод, рассказывала о том, как машина ведет себя в деле. Вместе с ней премию Ленина получили в этом году создатели машины — работники Государственного специального конструкторского бюро по машинам для хлопководства.

У нас сейчас на заводе горячее время, просто сказать: запарка. Готовимся выпустить большую партию нового хлопкоуборочного комбайна «17ХВ-1,8». И это, как говорится, на ходу, не переводя дыхания, не останавливая завод, бесперебойно выполняя программу. Новая машина уже заработала Золотую медаль Всесоюзной торговой палаты. А там, глядишь, подойдет время осваивать еще более совершенный комбайн. Так и живем.

Когда к нам приезжала Турсуной Ахунова, она, между прочим, говорила, что хлопкоробы называют «ХТ-1,2» «Голубым кораблем». Представляете, красота: по белому, пенному хлопковому морю плывут голубые корабли. Да, честно признаюсь, очень люблю я эту машину. Как она мощно дышит, как легко движется, как щедро высыпает в руки людей белые мягкие хлопковые горы! И я все-таки еще раз хочу сказать про название. Ну, почему мы должны называть ее «ХТ-1,2»? Язык сломаешь. Давайте вместе придумаем ей какое-нибудь другое имя. Может быть, и вправду «Голубой корабль»?

восстают против байско-феодальных нравов, законов шариата, мрачных религиозных предрассудков.

Раскрепощение женщины-узбечки, приобщение ее к знаниям, к творческому, свободному труду как бы символизировало в пьесах К. Яшена путь всего Узбекистана от мрака к свету.

В драматургии К. Яшена привлекает ее значительность, историческая масштабность. События в его пьесах часто основаны на фактическом материале и поданы крупным планом. Так, в «Разгроме» главными героями выступают исторические лица: главком Ферганского фронта, председатель уездно-городского комитета партии, их боевые сподвижники, а во вражеском стане — главари басмаческих банд, английский разведчик Рейли...

Драма «Генерал Рахимов» посвящена известному военачальнику — гордости узбекского народа.

В пьесе «Путеводная звезда» К. Яшен воссоздал образ великого Ленина, показав его на широком фоне значительнейших революционных событий.

Это драмы героические, полные внутреннего романтического пафоса и в то же время насыщенные сочным бытовым, национальным колоритом. Когда перечитываешь их, невольно вспоминаются «Гибель эскадры» и «Первая конная», «Разлом» и «Человек с ружьем»... Это доказывает только одно: что пьесы К. Яшена — в главном русле советских драматургических традиций.

Если бы позволяло место, я с удовольствием остановился бы и на других особенностях яшеновских драм, подчеркнул бы ту страстность, с какой он в каждой пьесе проповедует идеи интернационализма, рассказал бы о приемах построения сценического образа, об эмоциональном, образном языке героев, о специфическом использовании в отдельных эпизодах традиционной узбекской аскии — добротно проперченной шутки... Но это тема специального исследования.

У К. Яшена есть чему поучиться его коллегам, особенно молодым. В частности, его художнической взыскательности. Он подвергает дотошной переработке даже те свои пьесы, которые уже снискали популярность у широкого зрителя.

Юрий КАРАСЕВ

Кровавый мираж

Они еще бродят по дорогам пяти континентов, изменники Родины, продавшие души за тридцать сребреников...

Конечно, они разные, эти «перемещенные», «невернувшиеся», «бежавшие». И по-разному каждый из них оценивает минуту, так страшно повернувшую жизнь.

О них написал Сарвар Азимов свою драму «Кровавый мираж». Писатель посчитал себя вправе выразить гнев своего сердца. Он хорошо знает их и не стрижет под одну гребенку (как иногда случается в пьесах на зарубежную тематику). Одних автор жалеет, с другими спорит, доказывает их неправоту, третьих уничтожает своей ненавистью.

...В гостинице далекой азиатской страны собираются члены «туркестанского национального комитета». Они бежали сюда, что называется, из бункера Гитлера. Так начинается спектакль «Кровавый мираж» в Ташкентском театре имени Горького. В зале нет равнодушных. Стремительное чередование событий на сцене захватывает зрителей.

И. РОЖКОВ

На снимке: сцена из спектакля. Акикку играет С. Аникина.

Юрий СБИТНЕВ

КАМЕННЫЙ ДИВАН

В пятьдесят девятом Тохтасын Джалалов, узбекский писатель и литературовед, приехал в Хорезм.

Стоял сентябрь — пора плодов и милостивого солнца, которое не режет землю тяжелыми лучами, а подолгу мирно дремлет в пестро расцвеченной листве. Джалалову не повезло: в тот день в музеях города был выходной. Он решил осмотреть хотя бы снаружи знаменитый мавзолей Пахлавана Махмуда, святого покровителя Хивы. В узкой улочке было безлюдно, только у ворот усыпальницы сидел в малой тени старик и дремал, чуть шевеля серыми, в седом ободке усов губами. Джалалов обратился к нему, старик поднялся, прижав руки к груди. У него оказался ключ от двери мавзолея. Джалалов прошел вовнутрь. Стены до самого купола одеты майоликовыми плитами с длинной надписью на каждой — целая библиотека надписей.

Вошел и встал подле двери старик. В ярком квадрате света фигура его казалась бесплотной тенью.

— Тут покоится человек, близкий к богу, святой покровитель древней Хивы — Палван-пир,— сказал старик.

— Что тут написано, отец?— спросил Джалалов.

— Святые слова...

«Коран»,— подумал Джалалов. В помещении стояла полутьма. Он вгляделся, разобрал какое-то слово. Фарси. Нет, не похоже на Коран. Какие же еще святые слова? Джалалов стал читать текст, что у двери, где посветлей: «Простые камни лжеалмазов лучше. Рассвета луч ночных намазов [1] лучше. Коль хочешь в рай пойти через Сират [2], дай людям хлеб — он всех намазов лучше» [3]... Вот так святые слова! Чистой воды богохульство! От волнения перехватило дух. И дальше:

Сто раз я клятву повторю такую:
сто лет в зиндане [4] лучше
протоскую,
сто гор в домашней ступе
растолку —
чем истину тупице растолкую...

[1] Намаз — молитва.
[2] Сират — мост в рай.
[3] Тут и дальше перевод А. Наумова.
[4] Зиндан — тюрьма, темница.

— Что же это такое, отец?

Старик пожевал губами.

— Святые слова... Рубаи... Рубаи Палвана-бобо...

— Рубаи Пахлавана? Не может быть! Да это... Нету ли тут лестницы, отец?

Джалалову хотелось тут же перелистать эту громадную каменную книгу. Он хорошо знал старых классиков, но... Нет, даже имени Пахлавана Махмуда нигде не встречалось! Перед ним целый забытый робайят, еще один неизвестный Хайям, потерянное сокровище!

Старик стоял, будто не слышал его просьбы. Потом поплелся кудато в угол дворика, с трудом выволок маленькую пыльную лесенку. Джалалов лихорадочно переписывал рубаи в записную книжку — одно за другим.

Грехами к миру бренному
прикован,
души одежды распахнет
при ком он?
Простой змеей до хаджа [1] был
ходжа [2],
А возвратясь, он сделался
драконом!

А вот это? «Стихи, на злобный мир мы с вами не похожи...»

Старик смотрел безучастно. Но вдруг голос его странно ожил — точно тлеющая головешка вспыхнула на ветру.

— Зачем писать... Диван есть. Написанный.

— У вас, отец?!

— У меня... Был...

— А теперь?

— Человек взял.

— Какой человек?

— О, большой человек! Из Ургенча... Из Большого дома...

— Давно?..

— Давно... Год назад... Или пять...

Голос разом потух, так же, как и вспыхнул — словно бы само время погасило его.

СОКРОВИЩЕ В РУКАХ

Джалалов поехал в Ургенч. Большой дом, нетрудно догадаться,— обком партии. За полтора часа он обошел там всех — никто ничего не знал ни о каком диване Махмуда. Потом какая-то женщина вдруг вспомнила: постойте, ведь прежний секретарь обкома интересовался старыми рукописями! Ну, да... Он уже умер, к сожалению. Лет шесть назад. Но в городе живет его вдова...

[1] Хадж — путешествие в Мекку.
[2] Ходжа — лицо, совершившее паломничество в Мекку.

Дверь Джалалову открыла пожилая женщина.

— Да, муж собирал старые рукописи и книги, только теперь от них мало что осталось.

Конечно, она покажет их с удовольствием.

Она пошла куда-то и с трудом принесла целую гору пожелтелой бумаги. Джалалов начал смотреть. Добрый пуд старой бумаги. Но похоже, что все это одна рукопись. Ну, ясно — это «Шахнаме»...

— А больше ничего нет?

Женщина с сомнением пожала плечами. Кажется, ничего. Она поищет еще... И в это самое мгновение между двух страниц «Шахнаме» Джалалов увидел тоненькую, сшитую полуистлевшими нитками старинную тетрадку. Он раскрыл ее... Рубаи! И вот то, которое он списывал со стены!

Итак, рукопись у него в руках. Сокровище найдено. И, конечно, оно не единственное! Джалалов снова едет в Хиву — и вот его с улыбкой встречает Абдулла Болтабаев, знаменитый резчик по камню, автор чудесных каменных панно в ташкентском оперном театре имени Навои, директор Хивинского исторического музея.

— О Пахлаване Махмуде? Как же, кое-что слышал!— Он смеется.— Был такой!.. Робайят! У нас хранится один... По правде говоря, его хранят больше по другой причине — переписан рукой поэта Фируза... Да, да, он же хивинский хан Мухммед-Рахим...

«КТО ИЩЕТ...»

В чемодане лежали две старинных тетради с рубаи Махмуда, записная книжка, заполненная списанными со стены стихами. Больше трехсот рубаи! Но уже в поезде, перечитывая их, Джалалов убедился, что некоторые явно принадлежат перу Омара Хайяма. Полно, уж не зря ли он так радовался? Может, поэт Махмуд — такой же миф, как Махмуд — святой?

Приехав в Ташкент, Джалалов сразу отправился в Институт востоковедения Академии наук УзССР, в хранилище которого, удивительной кладовой, собрано восемьдесят тысяч старых рукописных книг. Там он обратился к Абдулле Насырову, старейшему знатоку, который хранил в памяти чуть ли не весь гигантский каталог хранилища. Впрочем, ведь добрая половина этих сокровищ прошла через руки Абдуллы-ата; сорок с лишним лет он был главным экспертом по приобретению старинных рукописей для института... Не помнит ли Абдулла-ата такого имени — Пахлаван Махмуд, спросил Джалалов. Насыров морщит лоб, прикладывает к виску палец.

— Помню, помню,— медленно говорит он.— Что-то мы покупали... Да, да, покупали... Зайдите через два дня.

Через два дня Джалалов снова в хранилище. Насыров кладет перед ним два дивана Махмуда! Джалалов жадно их перелистывает, потом поднимает голову. Абдуллаата смотрит на него с доброй и чуть загадочной улыбкой.

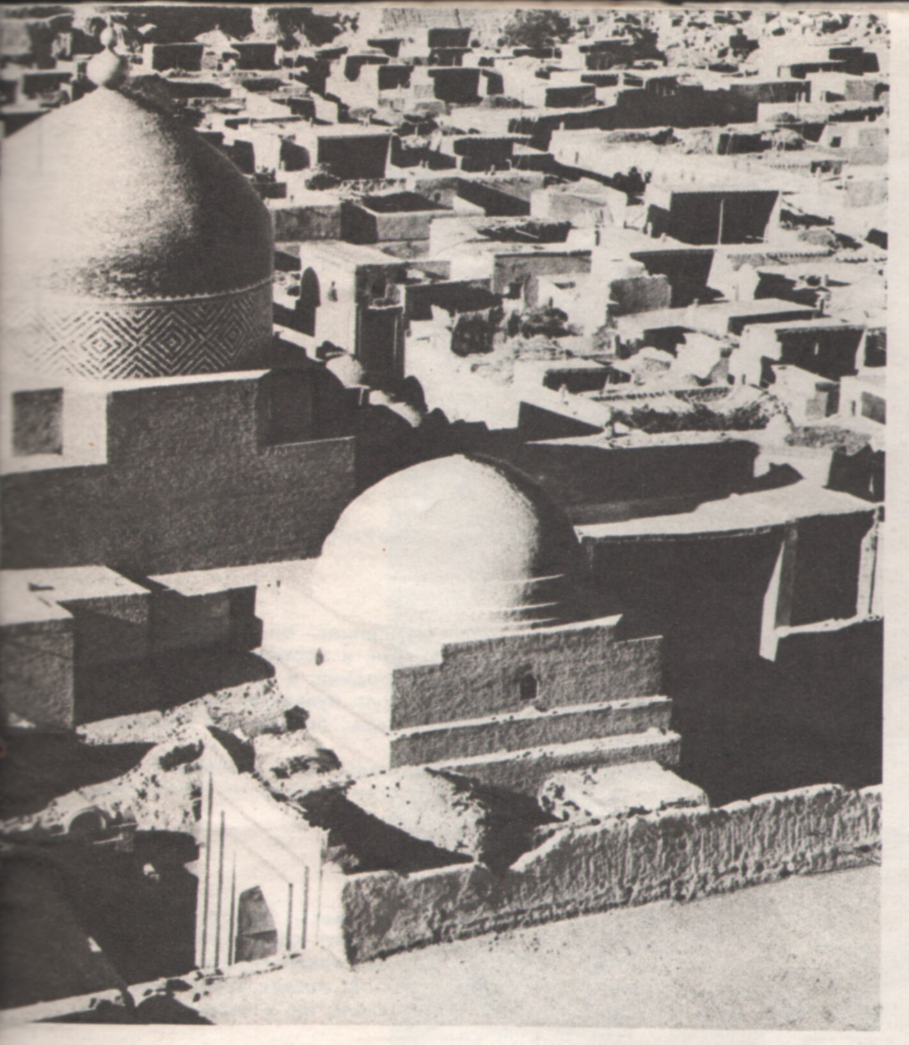
— А ведь вам везет,— говорит он.— Просто удивительно везет. Поистине: кто ищет — находит... Представляете себе, позавчера, только вы ушли, одна старушка принесла продавать рукопись. Что бы вы думали? «Жизнеописание Пахлавана Махмуда»! Тсс... Рукопись мы еще не купили... Только смотрим. Так что я не имею права вам ее показывать. Ну, ладно уж...

ПОИСКИ ЗАВЕРШАЮТСЯ

Казалось бы, все ясно. Есть книги поэта, есть его рубаи, есть история его жизни. И все-таки это еще полдела. А вдруг это всегонавсего случайное совпадение, и под именем Пахлавана Махмуда писал свои рубаи не хорезмиец-пахлаван, а известный миру поэт. В истории много подобных примеров. Знали ли его современники?

Джалалов обращается к каталогу Британского музея восточных рукописей. Снова находка! Такое имя в каталоге есть. Каталог адресует исследователя к книге, изданной в прошлом веке в Индии — «Маджолисуль-ушшок», книга лирики, дословный перевод — «Собрание влюбленных». Опять же этот сборник помогает найти Абдулла Насыров.

В «Собрании влюбленных» напечатаны два стихотворения Пахлавана Махмуда, но уже не рубаи, а газели. В нем же Джалалов находит сообщение, что поэт выступал и под именем Китоли и Пирьяр-

Мавзолей Пахлаван Махмуд.

Вали. Теперь нет никаких сомнений, что замечательный хорезмийский поэт жил на земле.

Но знали ли ученые Востока его творчество? Исследователь читает знаменитый энциклопедический словарь Востока «Оташкади Озарий». Да, Пахлаван Махмуд жил в XIII—XIV веках, был он скорняком, борцом, выступающим на состязаниях по национальной борьбе (кстати, Пахлаван по-русски — богатырь), шаиром-поэтом и любимцем простого люда.

В книге «Комусул алом» турецкого ученого XIX века Шамсутдина Самибека Джалалов находит снова имя знаменитого хорезмийца. Десятки, а может быть, и сотни рукописей и книг перелистывает исследователь, по крупицам воссоздавая облик человека, жившего семь веков назад. И вот перед ним возникает истинный образ Пахлавана Махмуда, его подлинная биография.

СЕМЬ ВЕКОВ НАЗАД

...Медленно движется по великому караванному пути Гургенча арба с нехитрым скарбом. Пыль поднимается над дорогой и оседает на плечи, на чапан человеку, шагающему рядом с волами. На арбе беременная женщина, лицо ее закрыто, и только тонкие, легкие кисти рук говорят о ее молодости.

Как мираж, поднимается впереди город, куда направляется арба. Хозяин ее оставил навсегда родной город Гургенч. Он хорошо помнит разор и беду, принесенные Чингисханом, помнит убитых родителей и братьев, поруганных сестер... Он едет искать счастья в городе на песке — Хиве. Там наверняка пригодятся его руки — умелого скорняка.

В воротах города жена вскрикивает и молитвенно прижимает руки к груди. Аллах повелел ей разрешиться от бремени на пороге новой жизни.

В 1247 году в хижине хивинца у скорняка родился сын Махмуд. Махмуд, унаследовав от отца ремесло скорняка, вырос необыкновенно сильным, и скоро уже вся Хива знала его как лучшего пахлавана — борца. Ни разу его лопатки не коснулись ковра. Слава о необыкновенной силе Пахлавана Махмуда росла и ширилась по всему Хорезму и за его пределами, а песни и стихи Махмуда с охотой передавались из уст в уста простыми людьми.

О силе этого человека узнали и в Индии. Раджа приглашает его к себе в страну на состязание.

Сначала, помня обиды, нанесенные Хорезму раджой, Пахлаван Махмуд отвергает предложение. Но скоро, чтобы прославить родину, выезжает в страну полдневного солнца.

В народной памяти сохранился такой эпизод из жизни Махмуда в Индии.

Повозка раджи, поднимаясь в крутую гору, вдруг сорвалась с дороги, ноги лошадей заскользили, все покатилось вниз. Радже грозила смерть. Тогда небольшого роста человек, выскочивший из толпы, плечом остановил повозку. Раджа сошел на землю.

— Требуй, чего хочешь, батыр. Я обязан тебе жизнью!

— Раджа,— сказал человек,— ты меня знаешь: я хорезмиец. Пахлаван Махмуд. Самому мне ничего не нужно — освободи лишь моих братьев — пленных хорезмийцев, что томятся в твоих зинданах.

— Но я не знаю, живы ли они еще... Эй, пошлите узнать!

Посланные вернулись нескоро.

— О повелитель, — сказали они,— люди Хорезма так слабы, что у них нет сил даже умереть...

— Вот видишь, о батыр!— сказал раджа.

Пахлаван покачал головой.

— Но ведь они пришли к тебе на своих ногах, здоровые! Отпусти же их обратно такими!

И раджа сорок дней лечил и кормил хорезмских рабов, и они вернулись на родину вместе с Махмудом.

В предместьях нынешней Хивы сохранились развалины Шахид-Мазара (могилы погибших за родину), по преданию, возведенного Пахлаван Махмудом в память о людях, павших в борьбе с Чингисханом.

Умер поэт в 1325 или в 1326 году и был похоронен во дворе своей скорняжной мастерской. Всю жизнь был он мастеровым, борцом, поэтом. Народная память возвеличила и подняла его, и шейхам легко было превратить его в человека, близкого богу, в святого.

Но и через семь столетий в своих рубаи возвращается Пахлаван Махмуд к народу как большой поэт, философ и человек.

Сегодня стихи его, переведенные с фарси на узбекский язык, читают тысячи.

РУБАИ

Не пей с пройдохой, хоть и в маске друга.
Тут сеть кругом,
приманка в центре круга...
Беги лукавых, если прям душой,—
стрелой прямою
от кривого лука.

В последний час земли
не с ангела, не с черта,
а с бедных смертных —
с нас потребуют отчета.
Но им ведь все дано! А мы, что мы могли?..
Прости, о судия, но здесь неладно что-то.

Пустыней бытия, о друг, идти нам трудно.
Остановиться вдруг на полпути
нам трудно.
Твердят: «Во всем, во всем твой промысел, Аллах!»
Но в этом всем, ей-ей,
его найти нам трудно.

Один неверный шаг— и в пропасть путь направишь.
Не доверяй тропе, в полночный путь отправясь.
А к другу в дом войдя,
ход мысли наблюдай,
чтоб зависть или злость неслышно не подкрались.

В рассветный час росой
полны тюльпанов чаши.
И тихий птичий стон ловлю я прозвучавший:
«Вставайте... належитесь под землей!
Нам дан лишь час.
Не упускайте часа!»

Мне пыль чужих шагов на сердце не садится.
Обид не наношу —
и не спешу сердиться.
От ложной гордости судьбою
я далек;
зато в себе самом
мне нечего стыдиться!

Глянь на дорогу — путники ушли.
Все сверстники и спутники ушли.
Путь опустел; все близкие — далеко...
Пора идти, а спутники ушли.

ГОРЫ — ЛЮБОВЬ МОЯ...

ВСТРЕЧА С НАРОДНЫМ ХУДОЖНИКОМ СССР УРАЛОМ ТАНСЫКБАЕВЫМ

В САДУ ПОЕТ МАЙНА

Неширокая улица. Одноэтажный дом... В маленьком дворике нас приветливо встречает Урал Тансыкбаев — народный художник Советского Союза.

Он похож скорее не на академика живописи, а на дехканина, всю жизнь работающего под открытым небом. Его крепкие, грубоватые руки, опаленное зноем лицо будто впитали все солнце Азии. Румяный, веселый, он словно излучает это доброе солнечное тепло.

— С каждым годом у меня все больше любви к красоте природы родного Узбекистана,— говорит Тансыкбаев.— Всю жизнь я пытаюсь претворить эту свою любовь в пейзажах, стремлюсь воспроизвести в картинах изумительные, яркие краски Средней Азии... В городе делаюсь больным, а как выеду на природу, руки сами тянутся к этюднику. Теперь на пленэр езжу на машине, а был помоложе, брал рюкзак и натирал на горбу мозоли. Тысячи километров исходил по любимым краям. Колесил по степи. Лазил по горам. Спал на снежных перевалах.

Боже мой, сколько пыли!— улыбается живописец, протирая платком холст.— Все землетрясение натрясло. Вчера было шесть баллов.

Художник ставит на мольберт только что оконченный холст. На фоне синих, лежащих в далекой дымке гор, огни большой стройки, леса, трубы. Солнце село, и весь пейзаж погружен в золотисто-розовое марево.

— В новом есть своя удивительная красота. Десятки лет брожу по Узбекистану и не устаю удивляться постоянным переменам...

За окном мастерской в саду запела птица.

Художник замолчал, прислушался, улыбнулся:

— Люблю эту птицу. Она майной зовется. Как весна,— запела майна. Народ привечает ее: вестник весны...

Мы вышли в сад. Поодаль от крыльца черные пеньки деревьев.

— Здесь были вишни. Пять деревьев,— грустно говорит художник и вздыхает.— Я их давно посадил. Но вот пришлось вырубить в прошлом году, в апреле. Поставили тут палатку и жили... Да, землетрясение у нас в Ташкенте наделало дел. Трудно пришлось всем. Я первое время без работы остался. Мастерская аварийная. Специалисты запретили в нее даже входить. Напугали. А потом вроде бы привык, начал писать. Но все же трясло и трясло... И тут друзья-москвичи позвали меня пожить, поработать в Дом творчества под Москву — в Сенеж.

Урал Тансыкбаевич ставит на мольберт пейзаж, написанный в Сенеже. Осень. Золотые березы. Россия...

И снова мы слушаем, как поет что-то свое звонкое и веселое хлопотливая весенняя птица майна.

ВТОРАЯ РОДИНА

— Я всегда считаю моей второй родиной Пензу, а ведь родился-то в Ташкенте, на берегу Салара.

В 1924 году посещал студию при Ташкентском музее искусств. Преподавал и руководил тогда Николай Васильевич Розанов. Я много писал, рисовал, мечтал увидеть полотна великих русских художников, смотрел и читал монографии, журналы. Однажды в «Ниве» увидел прекрасную картину Горюшкина-Сорокопудова. Старая Русь предстала предо мною как живая... И вдруг узнаю, что он преподает в Пензе. Я был молод и недолго думая написал письмо в Пензу и вслед за этим туда выехал. Никогда не забуду эту первую встречу. Горюшкин-Сорокопудов был похож на старого генерала. Белые усы, борода, грозное выражение лица. Своим видом он меня поначалу напугал. А на поверку оказался добрейшим человеком. Меня приняли, обласкали, устроили жилье. Столько внимания, столько заботы проявили, что трудно рассказать. Бывало, стоишь в очереди за хлебом. Русские женщины приметят желтолицего скуластого паренька-инородца и уступят очередь. Даже стыдно мне становилось: не заслужил.

Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов был истинный человек и художник. Его девиз — «Главное — любить искусство и правду!». И как он нам прививал эту любовь к истокам искусства! Учение у него как бы открыло для меня новый, большой мир. Иван Силыч говорил, что каждое истинное искусство должно быть национально. И колорит искусство должно иметь национальный.

Время тогда — 20-е годы — было сложное, ребята разные. Одни взахлеб писали с натуры. Другие бросали живопись, говоря, что фотография победит искусство. Но я свято верил, что живопись бессмертна. И, как видите, не ошибся.

Горюшкин-Сорокопудов был учеником Репина, он любил Русь и прививал нам любовь к древней архитектуре, к костюмам. А когда я приехал домой в Узбекистан, то здесь, на родине, в Ташкенте, по-новому, глубже понял древнюю нашу узбекскую культуру, полюбил навсегда шедевры зодчества Самарканда, Бухары, познал всю мудрость народного творчества.

Пенза! Никогда мне не забыть юные годы, наш молодой пыл, любовь к трудному, но бесконечно дорогому делу — живописи...

ЭТО ЗДОРОВО — ХОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ...

И опять тепло улыбается художник:

— Много я поездил, да и сейчас не сижу на месте. Как-то приезжаю на Иссык-Куль к другу-рыбаку, он мне и говорит: «Давай варить уху». А я ему в шутку отвечаю: «Я уху люблю, но только скучно рыбу чистить». Рыбак усмехнулся, взял ведро с рыбой, позвал меня и пошел к берегу озера. Высыпал рыбу, потер ее песком, ну, и через несколько минут была она голая — без чешуи...

«Не тот много знает, кто много прожил, а тот, кто много видел»,— так у нас говорят.

Бывало, остановишься переночевать в чайхане. Попьешь чай. Ночь наступит. Посетители разойдутся, а чайханщик возьмет дутар. Звезды. Тишина. А он играет, и отовсюду подходят на песню старики. Соберутся, сядут в кружок. А чайханщик играет и поет. Сижу очарованный. Незаметно летит время. Светает. Старики молча расходятся, а я остаюсь, жду рассвета...

— Очень люблю горы,— после небольшой паузы продолжает рассказ Урал Тансыкбаевич.— Ночевал как-то на высоте четырех с половиной тысяч метров. Или однажды в горах с геологами спали в спальных мешках на голых скалах. Ребята смеются: «Смотри, дед, ночью волки отъедят тебе голову». Ничего, жив остался. Попривык. Работал. Бывало, захочешь помыться, вода — лед. Ополоснешь руки, а потом долго греешь их под мышками — так окоченеют, отогреешь и снова писать... Вот что такое горы!

Написал тогда целую горную сюиту, вы, наверное, видели ее на выставке в Академии художеств СССР, на Кропоткинской улице...

Горы...— мечтательно произносит живописец. И снова пауза. И снова задумывается о чем-то этот подвижный пожилой человек с молодыми теплыми, как спелая вишня, глазами.

— Я жадный,— говорит он.— Хочу все видеть и никогда досыта не нагляжусь. Поэтому очень не люблю ночами ездить: боюсь что-нибудь пропустить. В поезде всегда стою у окна, даже ноги отекают. Все гляжу и гляжу. Так хочется все, все запомнить. Есть река Чу. Там целые поля тюльпанов: сказка. Или соленые озера. В них соль высыхает и становится похожей на белоснежное кружево. А сколько там птиц — лебеди, утки, гуси!..

А как в пустыне красиво! Правда, трудно по ней ездить, вот придумали бы машину, чтобы могла легко ходить по песку. А сейчас едешь пустыней, видишь, столб пыли стоит,— значит, кто-то буксует, надо ехать выручать — таков закон.

Нет, все-таки это очень здорово — ходить по земле, видеть, любить ее. В природе нет ничего второстепенного — все главное. Не хочу верить, что когда-нибудь не смогу отправиться в дорогу. Я люблю жизнь, природу, и она меня радует. Я мотаюсь по горам и степям, и в этом вечном движении моя страсть. Но бывают минуты, когда сидишь в мастерской и размышляешь. Сидишь наедине со своими думами... И вот тогда очень важно, чтобы тебя понимали и поддержали в твоих мечтах друзья и соратники.

...Я всегда с восхищением думаю о великих русских критиках Белинском, Стасове... Как они любили, как понимали искусство и как умели вовремя прийти к художнику, композитору, поэту со словом напутствия, помощи! Вспомним про отношения Стасова и Бородина, о роли великого критика в создании «Князя Игоря». Не могу без трепета читать книги воспоминаний о «Могучей кучке», о Чернышевском, Добролюбове...

Дружба, товарищество — великое дело. У нас в Ташкенте крепкий Союз художников. В нем много способных, талантливых мастеров: Ч. Ахмаров, Р. Ахметов, К. Чепраков, Н. Махмудов, пожалуй, всех сразу и не перечислишь...

На днях еду в Бухару, в Карши продолжать набирать материал к юбилейной выставке.

Пора в путь. Снова за дело.

И. ЛИДИН

Ч. Ахмаров.
ПОРТРЕТ ПОЭТЕССЫ
ЗУЛЬФИИ.

К. Чепраков.
УТРО НА ЧИРЧИКСКОЙ ДОРОГЕ.

ЗА КУЛИСАМИ УНИВЕРМАГА

З. ХИРЕН

Многоэтажный куб из стекла со светящейся на крыше надписью: «Москва». Я сижу в кабинете директора крупнейшего в стране универмага — Марии Федоровны Коршиловой.

— Сколько покупателей ежедневно обслуживает ваш магазин?

— Сто тысяч.

— Все ли сто тысяч уходят из магазина довольными, с покупками?

Мария Федоровна не торопится с ответом. Но не потому, что мои вопросы ее как-то озадачили. Просто очень горячий час. Телефон на столе работает с большой нагрузкой. Директору почти непрерывно приходится снимать трубку и с кем-то довольно энергично объясняться.

— У магазина прямые связи,— замечает во время одной из пауз Мария Федоровна, словно забыв про мои вопросы. Позже я понял, что прямые связи имеют к этим вопросам непосредственное отношение.

...Сегодня все устремились в секцию, где продаются «болоньи». Плащи уже все проданы, но покупатели не расходятся, спрашивают: «Поступят ли еще?» «Да, мы ждем»,— отвечают продавцы. Дело в том, что секция получила не все, что ей запланировано. Но продавщицы еще не знают, что задержка произошла на фабрике.

И вот сейчас, в нашем присутствии, Мария Федоровна как раз и осуществляет прямые связи с фабрикой. Просит, уговаривает, настаивает.

Я продолжаю начатый разговор.

— Сколько же людей уходит из магазина с покупками?

— Шестьдесят тысяч.

— Как вы изучаете вкусы покупателей, их запросы?

Мария Федоровна предлагает познакомиться с довольно толстой стопкой анкет: опыт исследования вкусов потребителя. Однажды всем покупателям мужской одежды раздали эти листочки с просьбой заполнить их. Сейчас перед нами 1 111 заполненных листочков. По ответам можно получить представление о том, какая одежда нравится покупателям и какую они решительнейшим образом отвергают.

Последний вопрос такой: «Хотелось бы знать ваше мнение об обслуживании в нашем универмаге». Абсолютное большинство признало, что обслуживание хорошее.

На любой из моих вопросов Мария Федоровна, как правило, отвечала, оперируя точными цифрами или выводами, сделанными в результате исследований. И ни разу я не услышал из ее уст просто: «Это покупателю нравится» или «Это покупателю не нравится». Универмаг — громаднейшее предприятие, которому ежедневно приходится сталкиваться с характерами сотен тысяч людей. Здесь ничего нельзя делать приблизительно, на авось.

Обслуживают покупателей 1 900 продавщиц, кассиров, товароведов, уборщиц, заведующих секциями, бухгалтеров, экономистов, плановиков — словом, целая армия людей. Они и их дела меня больше всего интересовали.

— Словом, вы решили проникнуть за кулисы нашего универмага?— резюмировала Мария Федоровна мою просьбу.— Пожалуйста.

И уже через несколько минут в комнате появилась полная женщина, не очень приветливая, можно даже сказать, чем-то сильно в ту минуту раздраженная. Тут же выяснилась причина. Это была Евдокия Васильевна Масюкова, заведующая отделом готового платья. Недоразумение, происшедшее с плащами, больше всего касалось ее отдела. И вот она пришла что-то доказать, в чем-то оправдаться, а директор, выслушав ее, сказала: «Разберемся. А пока проводите товарища в склад». Узнав, кто я и зачем пришел, Евдокия Васильевна немного смягчилась, но злополучные «болоньи» никак не выходили у нее из головы.

— Теперь у нас в стране, кажется, нет человека, который не ходил бы в «болонье». Облачаются в эти плащи и стар, и млад, и в жаркую погоду, и в дождь, и в холод, а они ведь предназначены лишь для дождя. В остальные дни они как согревающий компресс. В них неудобно, жарко, а все же напяливают на себя... Почему, спросите вы? Очень просто. Многие люди чувствуют себя на улице неловко без пальто или плаща. А летних пальто в продаже нет. Прежде шили габардиновые, но габардин вышел из моды, и другого материала пока не подыскали. Вот «болонья» и стала самой популярной у нас одеждой. Дело даже не в том, что промышленность не справляется с этим заказом. Сегодняшняя заминка в магазине вызвана какими-то чисто производственными неполадками на фабрике. Но надо, обязательно надо разрешить проблему летнего пальто.

...Открылась дверь склада, и Евдокия Васильевна прерывает свой монолог.

Помещение, куда мы вошли, имеет мало общего с нашими представлениями о складах. Это просто большая комната, увешанная очень симпатичными демисезонными пальто из материала, похожего на джерси. Очень красивая модель, мягкий, какой-то теплый и легкий, почти воздушный материал. Но у товароведа Евгении Евгеньевны Ивановой эти пальто, кроме досады и огорчения, ничего не вызывают.

— Вот акт,— обращается она к Евдокии Васильевне.— Составили все по инструкции. Все пальто должны быть возвращены на базу. Брак...

Оказывается, все пальто со спущенной петлей. Человеку непосвященному дефект обнаружить очень трудно, но Иванова — опытный бракер. Ее глаза сразу же останавливаются как раз на тех дефектах, которые скрыты от неопытного глаза. В этом я имел возможность убедиться. Иванова показала почти ювелирную штопку. В жизни бы не подумал, что здесь кто-то пытался прикрыть брак штопкой, а вот, пожалуйста! Невольно вспомнились перепалки некоторых покупателей с продавщицами. Увы, ни один из них не подозревает, что эти же продавщицы за кулисами универмага куда более требовательны, чем самые привередливые покупатели.

Прямые связи... Встречи работников универмага с инженерами, рабочими, модельерами фабрик, поставляющих магазину свою продукцию. С тех пор, как универмаг перешел на новую систему планирования, эти связи стали более деловыми. Не проходит и дня, чтоб представители универмага не побывали на предприятиях. Это крайне важно. И для фабрики и для магазина.

Вот несколько примеров. Пришивали к дешевому пальто дорогие воротники. Продавщицы заметили: покупателям не нравится. Или, например, к костюмам высшего качества пришивают грубые пуговицы. Это, так сказать, видимые недостатки. Но ведь магазин имеет возможность изо дня в день изучать психологию покупателей. Все их замечания, пожелания фиксируются. Как-то после большой ярмарки товароведы универмага приехали на швейную фабрику «Москвичка».

— Вот полюбуйтесь — ваша продукция. Не подумайте, что дефекты, которые мы вам сейчас покажем, имеются только на этих вещах. Мы просто отобрали дефекты, которые чаще всего встречаются.

Открывается необычная выставка. Выступают виновники. И нет обиды. Все понимают, что речь идет об общем деле. Впрочем, так не всегда бывает. Иногда в универмаг приходят швейники и слезно просят не составлять актов. С иголками и нитками бросаются они к забракованным изделиям, уверяя, что вмиг все исправят. Но с такими энтузиастами приходится поступать круто — выпроваживать их.

Вторжение в сферу производства стало особо активным после перехода универмага на новую систему планирования и материального поощрения.

— У нас, как вы уже слышали, существует термин «товары повышенного спроса»,— говорит Мария Федоровна.— К ним относятся не только наимоднейшие кофточки, костюмы, сумочки, пальто. У нас теперь многие женщины увлекаются, например, вязанием. Но попробуйте достать вязальные спицы и крючки! Нигде их не найдете. А ведь те же предприятия, которые снабжают нас некоторыми металлическими изделиями, не очень-то популярными, могли бы заняться выпуском крючков и спиц. Но не хотят делать этого, им все еще по старинке кажется: пустяк, невыгодно затевать новое дело. Или сарафаны, халатики, ситцевые платья. Мы их получаем, но нет ростов и размеров для полных и крупных женщин. Сколько прибыли теряем! Или вот другой пример. Легкая полотняная кепка. Всем нужна, а вместо нее получаем тяжелые головные уборы. Фабрике, видите ли, невыгодно эти кепки делать.

Коль скоро разговор зашел о прибыли, М. Ф. Коршилова рассказывает нам, как эта экономическая категория стала подстегивать работников универмага:

— Долгое время было так: понадобится ремонт—обращаемся в вышестоящую организацию. А теперь сами решаем, какой ремонт нам выгоден, какой нет, да и сами его производим... Сэкономим на ремонте — увеличивается прибыль, увеличивается фонд материального стимулирования. Но главный источник нашей прибыли, как я уже сказала,— хорошая дневная выручка, стремление каждого продавца понять покупателя, удовлетворить его запросы, вкусы. И не случайно вы были свидетелями таких горячих перепалок за кулисами нашего универмага. Не без того.

Герои Пиццинато

— С пятнадцати лет моей мечтой было пробраться в трюм парохода и приехать в Советский Союз, чтобы своими глазами увидеть жизнь и борьбу народа за будущее. Сегодня мне почти шестьдесят, я приехал в СССР не просто гостем, а другом и счастлив, как тот мальчишка из моей юности,— рассказывал москвичам на открытии своей выставки в Доме художника Армандо Пиццинато.

На встречу с советским зрителем известный в Европе итальянский мастер-реалист привез около 200 произведений. От стенда к стенду, через годы и десятилетия ведет нас художник по жизни своего поколения. Вслед за его героями мы входим в дома крестьян, поднимаемся на леса строек, узнаем жизнь грузчиков, рыбаков, рабочих.

...Оживленно, многолюдно у полотен Пиццинато, рассказывающих о борьбе итальянского народа против фашизма. И о войне художник говорит, как о тяжелом, изнурительном труде,— гневно, лаконично, выразительно. Он один из самых активных мастеров «поколения антифашистов» в Италии, соратник Гуттузо, Манцу, Леви. Он знает войну не по книгам или газетным сводкам.

В художественной мастерской Армандо Пиццинато, одного из руководителей движения Сопротивления в Венеции, работала тайная типография (печатали листовки, выпускали по ночам газету), располагался подпольный госпиталь, проходили совещания директивного комитета. Вплоть до того дня, когда по доносу провокатора Пиццинато был арестован. Словно дневник тех лет, воспринимаются его страстные полотна, рассказывающие о «Восстании в Венеции», героизме рабочих на «Баррикаде», трагической «Резне в Боско».

...А вот еще одна работа, только что законченная, специально для выставки в Москве. Автор назвал ее «За Октябрь!». В калейдоскопе ярких, звонких красок, словно в лучах сотен прожекторов, над людьми, устремленными вперед, возвышается фигура Ленина. «Он был человек до конца человечьего»,— цитирует художник Маяковского в ответ на вопрос о главной мысли картины, которую Пиццинато рассматривает как свой подарок к пятидесятой годовщине Октября.

За гуманизм искусства, за мир и дружбу между народами — под этим девизом живет и трудится художник-коммунист, большой друг Советского Союза Армандо Пиццинато.

Художник подарил свой снимок с надписью: «Журналу «Огонек» с пожеланием успехов в труде. Пиццинато. Москва. 1967».

Н. ЖЕЛЕЗНОВА

Марк БАРИНОВ

ВИЖУ ЗЕМЛЮ

Проблема № 1

Говоря о первостепенных задачах, которые предстоит решить человечеству, покойный президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов называл три проблемы: овладение атомной энергией, победа над раком и прогноз погоды.

Человечество привыкло к своенравию стихий.

Метеорологи обещают завтра ясный, теплый день. Наступает завтра, и утро встречает нас холодным ветром с дождем. Пожав плечами, мы усмехаемся: опять обманули ветродуи. Но, впрочем, усмехаемся беззлобно: погода — обычное время для судов,— не вышло. А если бы знать заранее...

В Америке была опубликована любопытная таблица. Если организовать метеослужбу на уровне современных достижений науки и техники, так, чтобы достоверность прогноза погоды составляла не 60—70%, как сейчас, а 90 — 95%, то это даст мировому хозяйству в денежном выражении ежегодный доход:

сельскому хозяйству — 6 миллиардов долларов,

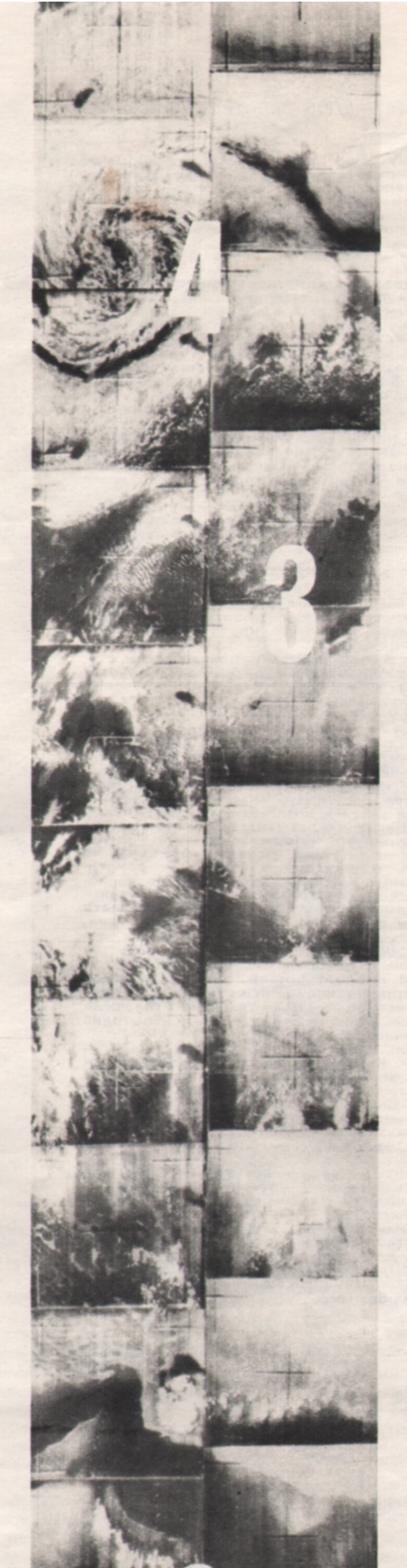
строительству — 3 миллиарда долларов,

топливному хозяйству — 300 миллионов долларов,

коммунальным сооружениям — 500 миллионов долларов,

лесному хозяйству — 100 миллионов долларов,

знать, какая будет погода над страной, надо знать, что делается вокруг, а вокруг — океаны, горные страны, пустыни. И вот, оказывается, всего 20% нашей старушки Земли охвачено метеосетью. Океаны, горы, пустыни — терра инкогнита для метеорологов. Что же делать? Экономисты, хозяйственники, моряки, летчики — все требуют: давайте точнее, лучше прогноз! Видимо, дело в улучшении техники, в расширении метеосети. Но тут в разговор вступают деньги. Работа метеоролога на земле, на станции обходится сравнительно дешево. Работа с радиозондами на высоте 20—30 километров требует гораздо больших затрат. Посылка приборов на сотни километров вверх с помощью ракет обходится так дорого, что стоимость этих работ приближается к стоимости тех ме-

Что же увидел спутник?

1

Над просторами Индийского океана почти ясное небо.

2

Слева — Аравийский полуостров, в центре — Персидский залив.

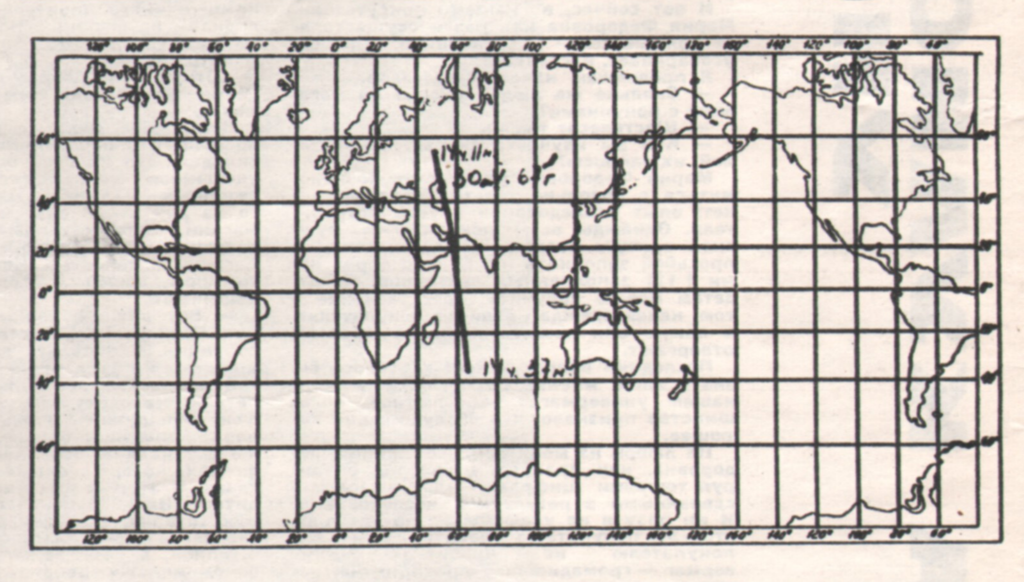
Выше на север — облачность самых различных форм, видов, очертаний.

3

Здесь спутник взглянул на Аральское море.

4

Метеорологи говорят, что это очень красивый циклон (смотрите увеличенный снимок справа).

дело темное... Вместо тенниски надеваем плащ и отправляемся по делам — беда невелика.

Тенниска или плащ — беда действительно невелика, но в Сибири в этом году весна выдалась на редкость теплая, это уже проблема, экономическая, народнохозяйственная! Сеять хлеб или не сеять? Посеешь, а там заморозки — огромные убытки. Не посеешь — можешь потерять десяток-другой таких редких, на вес золота в Сибири солнечных дней — опять убытки! И идут телеграммы, телефонные звонки в Москву, в Гидрометеоцентр страны: как быть, что посоветуете, какой прогноз?

На Волге свои заботы. Уровни паводка в этом году были очень низкие, весна постепенно, не спеша согнала снег с полей и лугов, и речные навигаторы вынуждены срочно перекраивать свои планы. Рассчитывали по высокой воде забросить немало грузов по малым рекам, непроходимым в

общегосударственным мероприятиям — 5 миллиардов долларов,

транспорту — 2 миллиарда долларов;

весь доход исчисляется в сумме 16 миллиардов 900 миллионов долларов!

На планете существует стройная, сложившаяся десятилетиями система метеослужбы. Существует международное сотрудничество. Действуют более десяти тысяч метеорологических станций. Сотни тысяч приборов, умных и тонких, собирают данные о ветре, облаках, давлении, тепловом излучении. Тысячи радиозондов устремляются ввысь, выше их взлетают в космос метеорологические ракеты. Много это или мало? Судите сами. Для того, чтобы дать прогноз погоды, скажем, в Москве, надо знать, что делается в радиусе двух с половиной тысяч километров! Для того, чтобы

роприятий, ради которых производятся исследования. И все равно, ракеты не решают потребности в исследованиях. Дело заходит в тупик. Где же выход?

4 октября 1957 года наша страна дала ответ на этот вопрос. В словари десятков земных языков прочно вошло ставшее международным русское слово — «спутник».

Выход из положения

Это действительно так. За десять лет, прошедших с того дня, когда люди на планете услышали знаменитые сигналы первого в мире спутника, ученые всего мира убедились, что именно спутниковая метеорология (уже есть такой термин) решит вопрос. Конечно, расходы, связанные с запуском спутников, очень велики, но, раз запущенные, они живут долго, собирают колоссальное количество информации, не только

с верхних слоев атмосферы, но и о состоянии земной поверхности, в конечном счете оказываются вполне рентабельными. Вот, например, советский метеорологический спутник «Космос-144» лишь за один день 11 апреля собрал данные об облачности с площади около 200 миллионов квадратных километров!

Что же спутник видит в своем полете над планетой?

Прежде всего облака. Он видит и передает на Землю картину возникновения, развития, движения облачных масс над всей Землей. И вот сейчас, когда начинает накапливаться опыт спутникового наблюдения за облаками, ученые пришли к заключению, что облака можно читать, расшифровывать как закодированное сообщение об общем метеорологическом состоянии того или иного участка планеты. Облака могут рассказать об атмосферном давлении, о направлении и силе ветра, о теплообмене, то есть обо всех основных условиях образования погоды.

В своем полете спутник также беспрерывно собирает сведения о состоянии теплового баланса планеты, складывающегося из поступления солнечного тепла на Землю и отдачи тепла в мировое пространство.

Спутник смотрит на Землю и мгновенно замечает штормы и тайфуны, ураганы и циклоны. Именно так наш «Космос-122» первым увидел тайфуны «Кора» и «Алиса». Спутник начинает оказывать крепкую поддержку морякам, ведущим свои корабли в океане. Все чаще и точнее указывают ученые пути в обход штормов, ураганов, тайфунов.

Ученые считают, что система из нескольких высокоорбитальных — порядка 30—40 тысяч километров над Землей — и низкоорбитальных спутников, летающих на обычной для наших «Космосов» высоте в несколько сотен километров, сможет в будущем дать возможность создания устойчивой службы космической метеорологии, способной существенно помочь в решении проблемы надежных прогнозов погоды, то есть той самой проблемы, о которой говорил академик Вавилов.

Как работает спутник? Накрутив свои витки над планетой и передав своим хозяевам изображение поверхности, он языком фотографий рассказывает о состоянии погоды в глобальном масштабе. В Гидрометеоцентре я видел фотокарту нашей страны, составленную из отдельных кадров, сделанных спутником. Фотографию лица нашей страны за одни сутки. У берегов Новой Земли великолепно просматривались огромные ледяные поля и в них длинные черные извилистые полосы — разводья. Остается только перенести их на морские карты — и готова рекомендация для полярных капитанов. У берегов Курильских островов я ясно увидел начало грозной спирали облаков — зарождение тайфуна. Средняя Азия была сплошь закрыта тяжелым щитом грозовых туч — там шли дожди, с гор неслись мутные потоки, синоптики дали предупреждение: берегитесь наводнений и селей — дело, видимо, затяжное! Фотокарта нужна и целиком — для общего заключения о погоде,— и в деталях. Мурманскому пароходству снимают копию северной части, в Ташкент отправляют карту интересующего азиатских синоптиков района, на Дальний Восток летит изображение Тихоокеанского побережья.

Возникает вопрос: так в чем же дело, спутники летают, на страницах печати то и дело появляются удивительные фотографии, присланные из космоса, синоптики получают информацию, собранную со всего земного шара?.. Значит, проблема решена?

Не все так просто

Действительно, все это так. Спутники выдают ценнейшую информацию. Заинтересованные лица: моряки, земледельцы, строители, военные, летчики — все чаще и требовательнее обращаются в Гидрометеоцентр: дайте спутниковую информацию! Но ученые далеко еще не удовлетворены. Дело большое, соответствующее общему уровню и стремительному развитию науки и техники, но дело еще в самом начале, сделаны лишь первые шаги в организации системы надежного прогнозирования, в организации космической метеорологии.

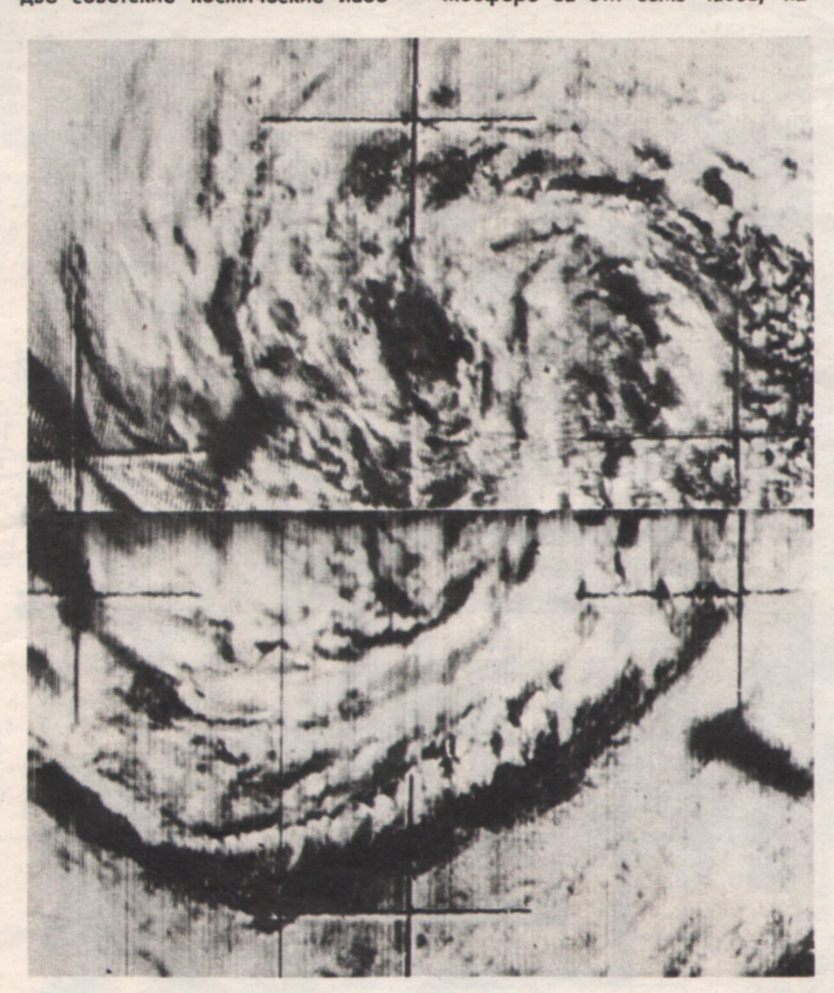
Первая задача. Спутник мчится над планетой с космической скоростью и за 96 минут собирает информацию за один оборот вокруг Земли. Он осматривает, исследует поверхность широкой полосой порядка тысячи километров. Там, где пролегает эта полоса, все ясно: есть фотокарта, есть данные актинометрических измерений (измерений теплового излучения). Спутник сделал виток и снова мчится, но... уже в десятке градусов по экватору от своего предыдущего витка. На развернутой меркаторской карте суточный путь спутника выглядит как раскрученная довольно редкая спираль. А что же делается между витками спирали? Этого спутник не видел. Этого ученые на земле не знают. И тут вступает в работу старый испытанный метод интерполяции — построения, реконструкции картины погоды по имеющимся неполным фактическим данным. Это, конечно, значительно полнее, больше, чем те немые 80% океанов, пустынь и полярных областей, о которых совсем недавно не было никакой информации, но факт остается фактом — данные неполные, и ученые упорно работают над решением этой задачи. Одним из ближайших, реальных решений видится та самая система высоко- и низкоорбитальных спутников, о которой говорилось выше. Высокоорбитальный спутник типа нашей «Молнии» даст полную картину поверхности без разрывов: ведь у него кругозор значительно шире, но из-за высоты полета он видит похуже: разрешающая способность аппаратуры не даст столь подробной картины, как с небольших высот. И тут ему помогут низкоорбитальные спутники — они дополнят, уточнят, разглядят детали.

Вторая задача. Спутник отработал сутки. Результаты его наблюдений легли на синоптическую карту. Я смотрю на нее и вижу все, что происходит на планете: где ясная погода, где штормы, где облачность — все. Но вот вопрос: когда это все происходит? И тут надо вспомнить, что ведь время от одного витка до другого —96 минут, за сутки — пятнадцать витков. Значит, то, что зафиксировано на первом витке, было в начале суток, а то, что на последнем,— в конце. Неодновременность картины, даваемой спутником,— вот проблема, вот задача, которую также стремятся разрешить ученые. Ведь совершенно очевидно, что для ученого, изучающего закономерности развития процессов в атмосфере, важно видеть одновременно все, что происходит над поверхностью планеты. Именно к разрешению этой задачи приступили советские ученые.

Система в работе

Я пишу этот очерк, а над Землей, неслышимые, но вполне реальные мчатся в высоком небе две советские космические лаборатории: спутник «Космос-144», запущенный в феврале, и «Космос-156», запущенный в апреле этого года. Первым летит «144-й», а следом за ним, на расстоянии семи часов полета, спешит «156-й». Напряженно работают наземные приемные устройства, собирая информацию, сбрасываемую спутниками. Все это названо система «Метеор». Один из машинистов, хозяев электронной счетно-решающей машины — наземного мозга спутников, в разговоре со мной употребил еще один интересный термин. Сбрасываемую информацию «замешивают» с сеткой географических координат и запускают в машину. Иными словами: фотографию, сделанную спутником, замешивают с географической картой, и из этого теста машина выпекает картину планеты, точно привязанную к географической карте. Ведь иной раз поверхность так замаскирована облаками, что невозможно понять, куда именно посмотрел в этот момент спутник!

Так вот, третьим сотрудником этой системы является машина, которая плотно стоит на земле, глотает свое тесто и непрерывно печет все новые и новые карты. Два спутника подробно рассказывают машине обо всем, что они видят **в двух различных пунктах планеты!** Одновременно! А это значит — карта будет уже вдвое точнее, подробнее. Более того. «156-й» идет «след в след» за «144-м», и через семь часов он просматривает ту же местность, над которой пролетел его старший брат. Ученые увидят, какие изменения произошли в атмосфере за эти семь часов, какие наметились тенденции, «куда дует ветер». Так работает система «Метеор».

Вот как выглядела из космоса плохая погода в Заволжье. Центр циклона — над Уральском. Его левое нижнее крыло захватило Волгоград. Верхнее левое крыло прикрывает Куйбышев.

Сегодня, в Гидрометеоцентре у всех приподнятое настроение: работает система, первая система метеорологических спутников, прообраз будущей нашей космической метеорологической службы погоды! Система работает, выдает важные для народного хозяйства сведения о погоде всех широт, прямой провод немедленно переносит эти сведения на другие континенты: в Лондон, в Дели, в Каир, нашим друзьям в социалистические страны.

Система работает на нужды человечества, спутники смотрят на Землю и рассказывают об этом ученым, но в то же время ученые приобретают неоценимый опыт, учатся сами овладению этой новой, такой колоссально важной областью науки — космической метеорологией.

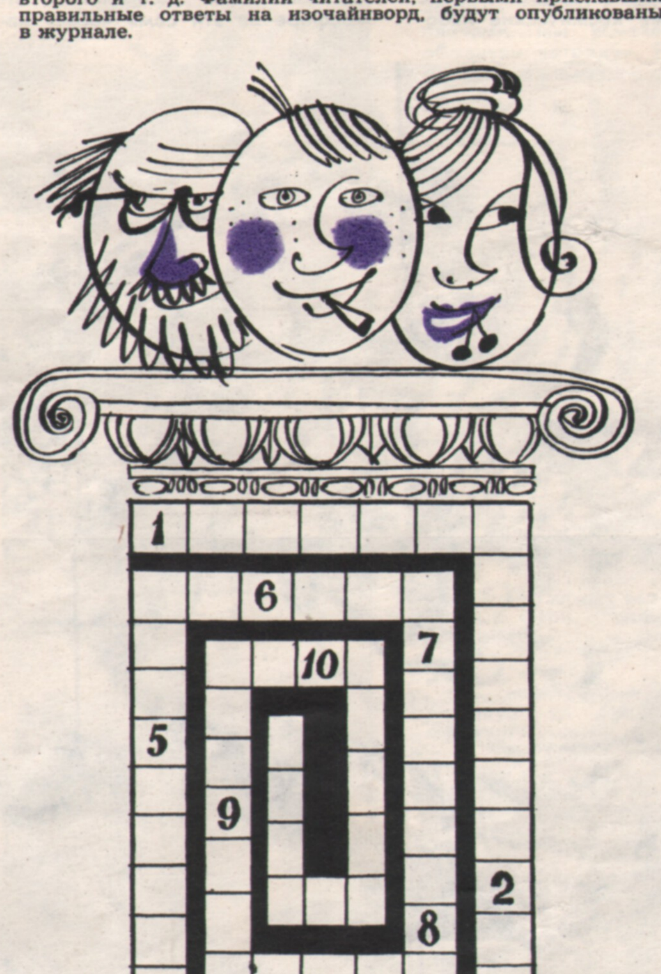
1

2

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником В. Воеводиным.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

3

4

6

5

7

8

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

1. Дрессировщик. 2. Капитан. 3. Наездница. 4. Акробат. 5. Трио. 6. Охотник. 7. Конструктор. 8. Рыбак. 9. Кавалер.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18.

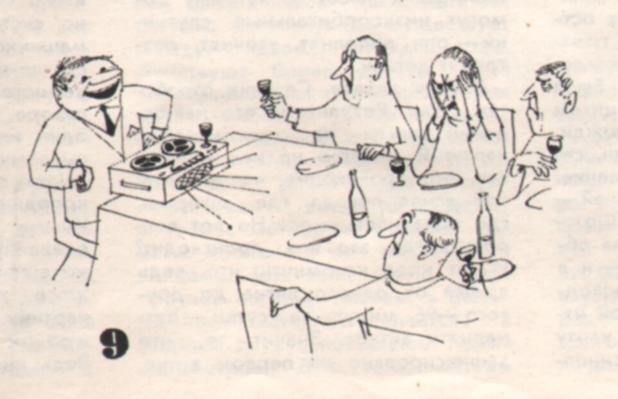
1. Ледоход. 2. Дачник. 3. Камыш. 4. Шашлык. 5. Курорт. 6. Тунеядец. 7. Цейтнот. 8. Транзистор. 9. Ремонт. 10. Телефон.

•

Редакция получила более 3 тысяч писем на изочайнворд, напечатанный в № 16.

843 человека прислали правильные ответы. Первыми среди них были: В. Н. Та[illegible]ктионова, С. Ю. Жарков, А. Д. Сафонов, М. П. Лобанова, А. М. Безрученко, Б. А. Лаговский, Е. А. Козлова, А. Л. Шнапер, К. М. Шаповалов, В. И. Миронов, М. И. Чистобаева, Е. Н. Апраксина, З. Д. и Ю. В. Пустоваловы, А. М. Грибоедов, И. В. Комлев, Т. И. Киржакова, П. В. Ресаенко, С. Я. Рубинов, Р. А. Яворский, Н. Н. Лазуренко.

Свыше 2 500 писем поступило в редакцию на изочайнворд, опубликованный в № 18. Правильные ответы прислали 347 человек. Первыми среди них были: А. В. Миняев, Н. Н. Манин, В. В. и Э. А. Соляники, А. С. Аладышкин, В. П. Синцов, В. М. Мешков, семья Ахановых, В. П. Латышкевич, В. Гансличек, В. С. Оберюхтин, И. Л. Азис, С. И. Бродский, Г. М. Перушкина, Г. В. Кудрявцев, Р. А. и М. М. Полушкины, Н. Воскресенская, Н. Г. Ананьева, А. Назметов, А. Смирнов, Г. С. и В. И. Шиманские.

9

10

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ С ОКЕАНОМ

Сэр Фрэнсис **ЧИЧЕСТЕР**

Этот рассказ Фрэнсиса Чичестера, 65-летнего англичанина, совершившего путешествие вокруг света в одиночку на яхте «Цыган-Мотылек IV», напечатал в одном из последних номеров журнал «Лайф». Часть фотографий, иллюстрирующих рассказ, сделана самим Чичестером.

В путешествие меня заставил отправиться страх — страх перед мысом Горн. Я прочел ужасные вещи, написанные людьми, проходившими его, и это подействовало, потому что мне ненавистна мысль, что я чего-то боюсь. Если что-либо пугает меня, я должен обязательно попытаться преодолеть причину страха.

Я начал читать все о старинных клипперах, огибавших мыс Горн, и планы моего путешествия оформились на основании прочитанного. Я выбрал маршрут тех замечательных английских парусников, которые плавали из Англии в Австралию, огибая мыс Доброй Надежды, и возвращались обратно, проходя мыс Горн. Я решил не только повторить их путь, но и в одиночку проделать его приблизительно за то же время.

Как позже стало ясно, мне это не удалось. Я наделал ошибок. Я оказался дерзким юнцом, попытавшимся превзойти старых мастеров. Мне не удалось плыть быстрее или с такой же скоростью, как они. Но все же я проплыл вокруг света в одиночку, лишь однажды зайдя в порт, и никто до меня не сделал этого. А сознавать, что ты совершил то, что до тебя не удавалось никому,— большое удовлетворение.

Теперь, когда мое путешествие закончено, я не знаю, что случится с моим судном — «Джипси-Мот IV» («Цыган-Мотылек»). На корабле мне принадлежит только корма, а главный владелец судна — мой двоюродный брат. Я собственник одной трети судна, он владеет остальным. Свою часть я продал бы хоть сегодня. Хорошо бы отпилить от судна одну треть. Эта посудина была слишком велика для меня. Я говорю серьезно. «Цыган-Мотылек IV» для меня не представляет никакой сентиментальной ценности. Он привередлив и труден в обращении. Ему нужна команда из трех членов: человека, чтобы прокладывать курс, слона, чтобы ворочать румпель, и шимпанзе ростом в метр и с руками в два с половиной метра, чтобы поддерживать порядок внизу и управляться с оснастной.

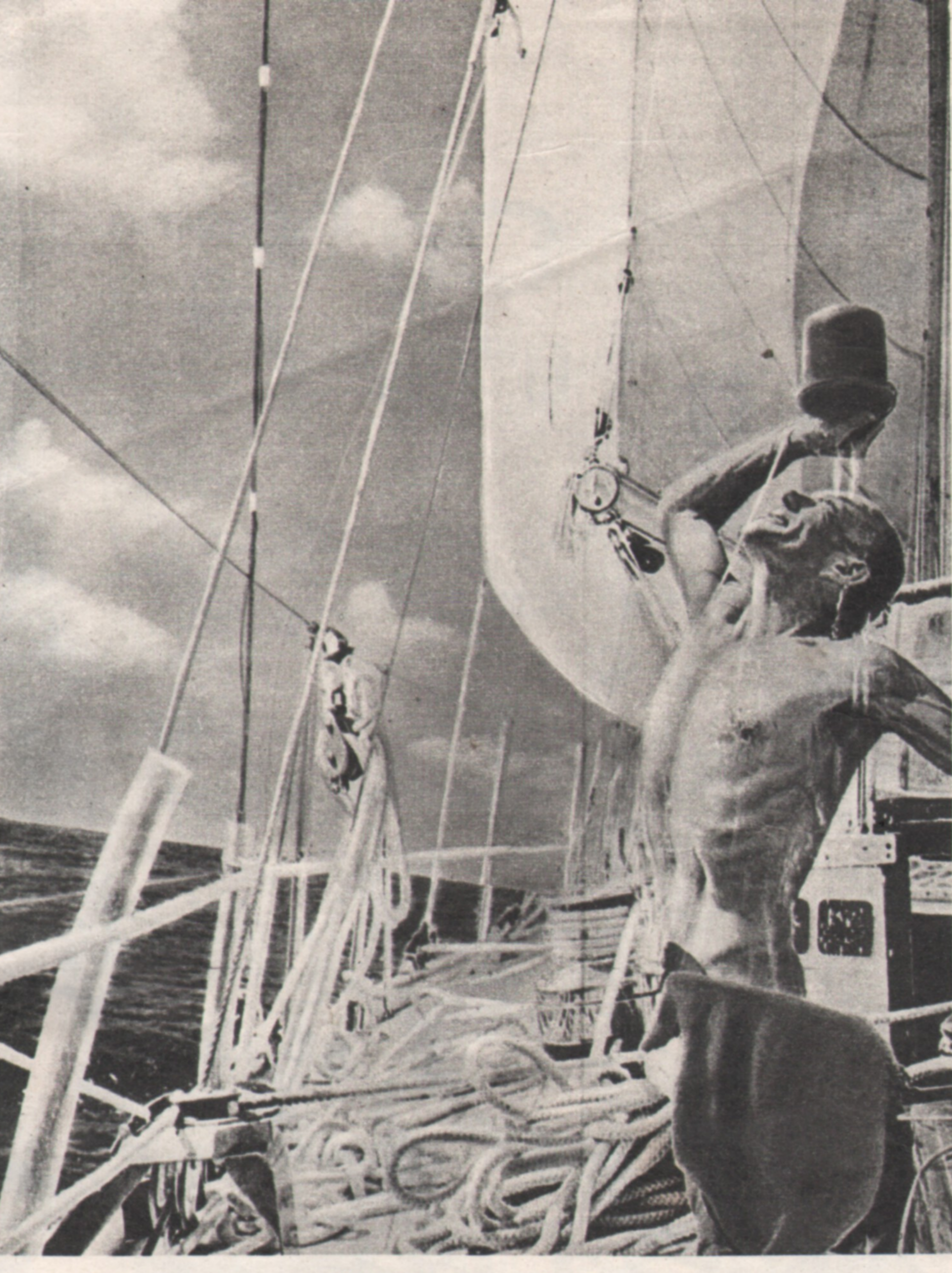
Он похож, мне кажется, на коня Марбо. Сам Марбо был адъютантом одного наполеоновского генерала. Он купил коня задешево, потому что тот убил двух конюхов. Скотина хватала человека за живот и загрызала до смерти. Марбо подошел к коню, держа за спиной баранью ногу, только что вытащенную из огня. Когда конь кинулся на него, тот сунул ему в пасть баранью ногу, и животное обожгло себе язык и губы. Это отучило коня кусать своего хозяина. Но однажды, под Прейсиш-Эйлау, конь спас жизнь хозяину, прокусив чрево у казака, который хотел убить Марбо.

«Цыган-Мотылек IV» точно такой. Для него не писаны никакие законы. Если вы сможете управлять им, он пойдет быстро, но любить его нельзя. Впрочем, он великолепно выглядит на фотографиях, а моя жена Шейла не перестает напоминать мне, что на этом судне я плыл вдвое быстрее, чем кто-либо другой, совершавший путешествия под парусами в одиночку. И к тому же судно выстояло и уцелело в дьявольски трудных переделках, особенно однажды, в конце января.

Я отплыл из Плимута 27 августа 1966 года, прибыл в Сидней 12 декабря 1966 года и снова пустился в путь из Сиднея 29 января 1967 года. Через день меня болтало на краю тропического циклона. Моя запись в судовом журнале за 30 января гласит:

«Около 22.30 судно перевернулось».

С записями в судовом журнале всегда так. Когда происходит что-нибудь действительно серьезное, ты не думаешь ни о судовом журнале, ни о прочих подобных вещах. Когда это случилось, я спал на своей койке. Я спал уже несколько часов, потому что делать что-нибудь было невозможно: слишком сильно качало. И единственное место в таких случаях — это койка.

В тропических широтах.

«Цыган-Мотылек» в океане.

На судно, должно быть, обрушилась гигантская волна, просто какое-то чудовище. Я проснулся, когда нас с «Цыганом» стало переворачивать, и сказал себе: «Вот она и перевернулась, эта посудина». Кругом было темно, как в шахте, а темнота всегда прибавляет волнения. Казалось, что прошла вечность: в такие минуты время словно останавливается. Но на самом деле, я думаю, прошло всего несколько секунд. Может быть, секунд двадцать. Потом в каюте раздался страшный грохот. По мере того, как судно переворачивалось, все то, что обычно было внизу, стало падать на то, что обычно было наверху.

Я ничего не мог поделать, мне оставалось только лежать. Я был где-то внизу, а судно было надо мной. Все падало с огромной силой. Бутылки, консервные банки, мешки с фруктами, как пушечные ядра, ударялись там, где была моя койка. Семь больших герметически закрытых контейнеров, полных продуктов, раскрылись. Шестнадцать тяжелых контейнеров, стоявших по левому борту, обрушились на фрукты и овощи. Ножи и посуда дождем полетели в меня через всю каюту. Позже я обнаружил, что один острый нож воткнулся около моей головы. Мне просто повезло, что он не попал в глаз,— какое-то чудо уберегло от этого.

Сомнения в том, выпрямится ли «Цыган-Мотылек IV», не существовало. Судно строилось с расчетом на это. Было лишь неясно, каким образом оно это сделает. Я лежал, размышляя, сделаем ли мы полный поворот и поднимемся с другой стороны или нет. Судно выпрямилось, и я выкарабкался из-под груды вещей, чтобы посмотреть на причиненный ущерб. Жаль, что я не сделал тогда фотографий. Бог мой, какой погром был вокруг! Инструменты, контейнеры и продукты разбросаны повсюду. Все багажники под койками пусты. А лишь в одном из них раньше хранилось 150 банок консервов. Все это громоздилось теперь в каюте, которая была залита водой, проникшей через раскрывшийся форлюк. Никогда в жизни не видал я такого хаоса.

На палубе я обнаружил, что потерял один из парусов. Багор был вырван из креплений и унесен.

Я был изумлен, увидев на потолке каюты след от попадания бутылки. Я знал, что она вылетела из багажника, где хранилось вино, и, проследив, куда она ударилась, мог с абсолютной точностью определить ее траекторию. Траектория показывала, что до того, как судно стало выпрямляться, оно накренилось по меньшей мере на 41° ниже горизонта. Да, это была просто фантастическая волна. Я был напуган. Если это могло произойти во время обычной бури, думал я, что же случится, если на меня обрушится настоящий ураган?

Это происшествие продолжало занимать меня в течение многих недель. Я раздумывал над тем, что случилось. Помню, нечто похожее происходило со мной после авиакатастроф, в которые я попадал. Прошло, например, много лет, прежде чем я смог вспомнить все детали моей самой большой катастрофы в воздухе. Но в конце концов память вернула мне все до мелочей, и все сошлось, составив общую картину, очень достоверную, как мне кажется. Память записывает все происходящее и медленно возвращает записанное человеку.

На первом этапе путешествия тоже случались драматические события. Путь от Плимута до Сиднея занял у меня 107 дней, на семь дней больше, чем я предполагал. Я отплыл из Плимута 27 августа и несколько первых дней не видел ничего романтического в моем путешествии: морская болезнь — это самая антиромантическая вещь, какая только может быть. В довершение всего я не мог в первую ночь спать лежа, потому что растянул ногу. Я попытался уснуть сидя, но мне удалось только подремать.

Сначала я плыл медленно, но 13 сентября, когда удалился от Англии уже на 2 390 миль и подходил к тропикам, подул настоящий бриз, и в три дня я как на крыльях пролетел 548 миль. 17 сентября я праздновал свое 65-летие. Торжество удалось на славу. У меня есть зеленый смокинг, который шесть раз переплывал со мной через Атлантику. Я вырядился что надо, не хватало только галстука-бабочки, который я забыл захватить. Пришлось надеть обычный черный галстук. В кокпите был устроен ужин с шампанским. Я распечатал подарки от жены и друзей и поднял несколько тостов за близких мне людей. Вечер прошел отлично. Закат был очень красив, и я просидел на корме до темноты. Через два часа после того, как я лег спать, что-то меня толкнуло наверх, и я установил, что в налетевшем шторме яхта потеряла управление. У меня даже не было времени, чтобы надеть штаны. Через два часа отчаянных усилий я сумел спустить паруса и восстановить порядок. Возможно, после празднования дня рождения я был не так проворен, как обычно.

Через несколько недель я попал в южный ураганный ветер. Некоторое время яхта шла по ветру с голыми мачтами, делая по семь узлов, затем ее развернуло, когда большая волна ударила ее в корму. Это повредило воздушный стабилизатор на автоматическом рулевом управлении.

Яхта лежала на воде бортом к волнам и ветру, не двигаясь вперед. Я начал спускать якорь с кормы, пытаясь развернуться по ветру, но у меня лопнул канат, и я потерял якорь вместе с передачей. Кое-как починил стабилизатор, но исправить его по-настоящему не мог, потому что он был за пределами судна. Ветер дул со скоростью пятьдесят узлов, и океан был очень бурным. Когда в сильный шторм корабль бросает в разные стороны, а в каюту через задраенные люки течет вода, то отдыхать некогда. Два дня мне не удавалось поесть.

В конце октября дважды входил в Ревущие сороковые — эти бурные широты, которые начинаются у южного окончания Африки,— и дважды меня прогоняли оттуда бури и штормы. Во второй раз я плохо управлял судном, и оно получило повреждения. Одну распорку на палубе вырвало с корнем, и все рейки паруса на бизани были вырваны и потеряны. Часть приспособлений на грот-мачте для взятия рифов пошла на дно океана. Волны казались мне высотой в тридцать метров, поэтому я думаю, что они были не меньше двенадцати.

Во время шторма у меня сломался коренной зуб: я грыз мятную лепешку, которую следовало бы назвать обломком арктической скалы. Зубной врач снабдил меня набором инструментов для лечения зубов, и с помощью цемента я пытался приладить обратно сломанную половинку. Но она продержалась только день. Трижды пытался починить свой зуб, но не добился успеха. В конце концов выбрал среди своих инструментов самый хороший напильник и спилил острый конец обломанного зуба, который царапал язык.

1 ноября, после того, как долгое время подряд не было дождей, меня стало одолевать беспокойство, так как запасы пресной воды стали истощаться. Но в ту же ночь пошел дождь и лил два дня подряд. Я набрал 27 галлонов воды. Этого хватало для питья, но о стирке нечего было и думать.

Несколько раз я почти доходил до точки. В путешествии по бурному океану наступает момент, когда нервное напряжение, вызываемое ударами волн по корпусу судна, становится невыносимым. Обычно это случалось после 36 часов непрерывной атаки волн на судно,

когда уже не удивляешься тому чуду, что деревянный корпус выдерживает такие удары, и вместо этого внутри тебя какой-то механизм начинает с тревогой отсчитывать секунды до нового набега стихии. Три или четыре раза я уже не мог этого перенести и останавливался на несколько часов.

В южной части океана я чувствовал себя совершенно отрезанным от людей, живых и мертвых. Это очень мрачные места. Здесь ощущаешь какую-то духовную пустоту. Северная Атлантика, кажется, кишит какой-то жизнью, а здесь все пусто и пусто. В воде я не замечал рыб, только летающая рыба иногда проносилась мимо. Однажды ночью на палубу залетела совсем крошечная летающая рыбка, размером в вершок. Может быть, она тоже совершала морское путешествие в одиночку.

Чувство одиночества и страх, сопровождающий его, приходят неожиданно. Когда судно идет нормально, каждое мгновение заполнено работой, а свободные минуты я пытался занять сном. Но когда мы попадали в штиль и мне приходилось искать для себя работу, одиночество одолевало меня. Я часто испытывал что-то похожее на чувство безнадежной любви, стремление к чему-то находящемуся за непреодолимыми барьерами. Временами меня охватывало печальное беспокойство о жене и семье: вдруг они больны или с ними приключилось несчастье, а я далеко и не могу прийти к ним на помощь и утешить их?

Мой радиоприемник позволял мне ловить передачи последних известий, но я как-то не мог себя заставить слушать их. Я чувствовал, что нет смысла слушать, что происходит в мире, потому что сам был не в состоянии принять в происходящем никакого участия. Передачи новостей делали меня еще более одиноким и лишь расстраивали.

Не удалось найти утешение и в музыке. Я очень люблю музыку. До начала путешествия мой сын Джайлс приготовил для меня пленку с записями некоторых вещей, которые я люблю,— «Щелкунчика» Чайковского, «Голубой рапсодии» Гершвина, Дворжака, Бетховена. Однажды в звездную ночь, когда уже миновал Африку, я включил запись. Музыка была так чиста, так прекрасна. И я почувствовал печаль, одиночество, почувствовал, как далеко от дома. Не могу этого объяснить, но это был один из самых мучительных моментов на моем пути. Я выключил музыку и не слушал ее до тех пор, пока не взял курс к родным берегам. Я много думал об этом и полагаю, что, когда пускаешься в предприятие такого рода, то отключаешь в себе множество вещей, которые делают тебя человеческим существом. Ты превращаешь себя в машину, предназначенную для достижения определенной цели. И все напоминающее тебе о том, что ты человек, как и другие, невыносимо печально. Человек не слушает музыку, когда он пытается пробежать милю за четыре минуты.

Я находился еще в 3 тысячах миль от Сиднея, когда решил сделать остановку, и отправился на корму, чтобы починить автоматическое рулевое управление, которое удерживало судно на курсе, когда меня не было у штурвала. И обнаружил аварию. Стальная рама была сломана, и починить ее было невозможно. Я поскорее убрал паруса и вытащил перо руля на борт, не дожидаясь, пока все поломается окончательно. С путешествием было покончено. Я никогда бы не смог проплыть под парусами на судне такого размера еще 3 тысячи миль без помощи автоматического рулевого управления. Я сел и выпил коньяку. Мне казалось, что я все время ждал какого-то несчастья. Потом отправился спать. Это было 15 ноября, и я находился в океане уже 80 дней.

На этой карте изображен путь, проделанный Ф. Чичестером на яхте «Цыган-Мотылек IV».

Проснулся в ужасном состоянии. У меня оставался единственный выбор — прервать путешествие и направиться в австралийский порт Фримантл. Даже это заняло бы месяц, если бы я смог управлять судном между приемом пищи, сном и прокладыванием курса. Надо все же было научить посудину управлять собой. Весь день я возился с рулевыми тягами, веревками и парусами.

И ночью чувствовал, что судно управляется само собой с помощью той системы, которую я ей придумал. А когда проснулся, то обнаружил, что судно идет на запад вместо того, чтобы двигаться на северо-восток. Но хотя оно шло и по неверному направлению, в противоположную сторону, оно твердо держалось курса. И это дало мне ключ. Я прикрепил один из парусов к румпелю.

Система заработала. Судно стало управлять собой и придерживаться курса. Весь следующий день я опять провозился с блоками, талями и шкотами, чтобы сделать систему более эффективной. Каждый день улучшал ее до тех пор, пока не смог делать по 160 миль в день. Когда уже знал, что она будет действовать, ко мне пришло приподнятое настроение. Приключилась беда, но я смог обойти препятствие и сделал это без посторонней помощи. Я снова изменил курс. Теперь можно было добраться до Сиднея, пройдя 2 750 миль с помощью автоматического рулевого управления, изобретенного мной самим. Вскоре после этого я передал по радио в газету «Санди таймс» следующее: «Волшебный вечер. Горизонт кажется ровной линией, и заходящее солнце окрашивает редкие облака оранжевым цветом. Луна взошла прежде, чем солнце село за горизонт». Впервые за все путешествие я был сентиментален.

И все же, двигаясь против ветра к австралийскому побережью, я был, как никогда в жизни, на исходе своих физических и духовных сил. Плохо ел и, наверное, страдал от недоедания. Весил 63 килограмма вместо обычных 72-х. Тратил два часа на работу, которая в нормальном состоянии занимала 20 минут. Мне приходилось через каждые несколько минут останавливаться и отдыхать. Много раз я был готов отдать что угодно за то, чтобы вернулись мои юношеские силы. Но, с другой стороны, 65 лет имеют свои преимущества. Когда ты молод, у тебя не хватает воли для продолжительных, длительных усилий, какие требовались от меня. В мои годы приходится изворачиваться и заменять недостаток грубой силы хитростью ума.

Странно, что с возрастом не меняется качество страха. Когда на меня находил страх в воздухе, как это было в 1930 году во время моего полета в одиночку в Сидней, и когда в этот раз страх пришел ко мне на море, преодолевать его приходилось так же. Жить мне осталось не так много, но, уверяю вас, что остаток для меня так же дорог, как и та казавшаяся бесконечной жизнь в молодые годы.

Я был совсем истощен, когда 12 декабря достиг Сиднея. На сушу сошел в состоянии депрессии, частично из-за духовного напряжения, частично из-за того мрачного состояния, которое всегда охватывает меня в конце свершения, когда все уже позади и уже нельзя исправить свои ошибки. Я опустился до таких глубин истощения, до каких не опускался никогда. Организм так устал, что я даже не мог спать по-настоящему. Во сне спальня на берегу раскачивалась так сильно, как никогда не качалось мое судно в океане. Однажды ночью моя жена, которая приехала в Сидней встретить меня, сказала, что во сне я царапал стену и кричал: «Где фал? Я не могу найти фал!»

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Поэма М. Ю. Лермонтова. 8. Государство в Африке. 9. Американский художник. 11. Роман М. О. Ауэзова. 12. Озеро в Финляндии. 13. Синтетическое волокно. 16. Дерево семейства буковых. 19. Художественная литература. 20. Сладкое блюдо, фрукты. 23. Звезда в созвездии Персея. 25. Гуцульский танец. 26. Сигнальный духовой инструмент. 28. Прибрежная отмель. 29. Трикотажная фуфайка. 30. Русский хирург.

По вертикали:

1. Римский философ. 2. Рыба со сплющенным телом. 3. Советский поэт. 4. Порт в Норвегии. 5. Часть корпуса скрипки. 6. Сушеный абрикос. 10. Птица отряда воробьиных. 14. Машина для обработки материалов давлением. 15. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 17. Смазочное масло. 18. Столица государства, расположенного на островах. 21. Приток Енисея. 22. Нефтеналивное судно. 23. Метод научного исследования. 24. Русский писатель. 27. Химический элемент. 28. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Ареометр. 7. Меринос. 8. Романс. 10. Верстак. 13. Сарема. 15. Льеж. 16. Берест. 19. Ласкер. 21. Одарка. 22. Вудкер. 23. Плот. 24. Арктур. 26. «Сиверко». 30. Верста. 31. Буотама. 32. Киргизия.

По вертикали:

1. Дронов. 2. Боксер. 3. Строфа. 4. Оденсе. 6. Мандолина. 9. Каракуль. 11. «Контора». 12. Делакруа. 14. Абрикос. 17. Ромб. 18. Танк. 20. Картофель. 25. Климов. 27. Иттрий. 28. Рябчик. 29. Оборин.

На первой странице обложки: Солистка ансамбля «Бахор» Дурдона Зияханова (Дурдона по-русски — жемчужина).

На последней странице обложки: Праздник «Юбилейная весна» в Вуадиле, Ферганской области (снимки вверху). Город в пустыне — Навои. Бассейн «Дельфин».

Фото Дм. Бальтерманца.

Гафур ГУЛЯМ

ОСТРОСЛОВЫ

Гафур Гулям, большой поэт, классик узбекской литературы, недавно умерший, знал и любил фольклор. Он был собирателем аский, народных юмористических новелл. Мы предлагаем читателям несколько историй, записанных Гафуром Гулямом.

Яркий образец использования гиперболы в юмористическом диалоге дает одна из классических историй, приписываемых известному своими фантастическими выдумками наманганскому острослову Халилча-халолу.

КАЗАН И СВЕКЛА

Однажды житель Ахангарана некий Санданкул Танга-Танган встретился на горном перевале с Халилча-халолом.

— Что нового в вашем Ахангаране? — поинтересовался Халилча-халол.

— Наши слесари склепали такой котел — казан, что его подвешивают за триста ушек. Если стоящий у первого ушка слесарь утром ударит по чугунной стенке казана, то слесарь, стоящий у второго ушка, услышит этот звук только после полудня.

— Бай, бай, бай, молодцы, какой котел сделали! — восхищенно произнес Халилча-халол.

— А что нового в Намангане? — в свою очередь, спросил Санданкул.

— В дальней степи выросла такая громадная свекла, что под ее листьями может укрыться от солнечных лучей тысяча всадников.

— Ох и глупец же ты! Ври-ври, да знай меру! — обиделся Санданкул.— Кто тебе поверит, что свекла может быть такой?

— Не знаю, кто глупец, я или ты,— усмехнулся Халилча-халол.— Но если в вашем ахангаранском котле не вариться нашей наманганской свекле, то для чего же было делать такой котел?

Одним из наиболее любимых нашим народом острословов был прославленный Абдулла-Фокусчи из Ташкента. Он умер в 1914 году в возрасте 86 лет.

Я попытаюсь пересказать содержание одной из его давным-давно мною слышанных историй.

СКРЯГА

В нашем великом городе Ташкенте едва ли найдется человек, который незнаком с моим соседом, бродячим торговцем Миркамалом.

Он и его жена потратили всю свою жизнь на выпрашивание еды у пастухов и куска лепешки у нищих. Детей у них не было, зато была мечта: есть даровой хлеб.

Миркамал шесть дней в неделю кочевал по базарам. Вот и получалось, что он дома бывал только раз в неделю, по средам. А остальные шесть дней его жена сидела одна-одинешенька в четырех голых стенах.

И как-то раз в одну из сред Замира-таны сквозь слезы сказала своему мужу:

— В конце концов вы мне муж или кусок чужой земли? В этом дырявом доме я сижу одна и схожу с ума! Мне нужно живое существо рядом. Что, небо рухнет, если вы купите мне какую-нибудь телочку или баранчика? Я бы легче переносила ваше отсутствие!

Миркамалу это пришлось по душе.

В следующую среду он привел жене купленного за семь тенег тощего двухгодовалого барана.

Замире, можно сказать, повезло: баран ей скучать не давал. Он блеял без перерыва и гулко кашлял.

Скоро все, что можно было съесть, съел. Объедков, которые удалось достать у соседей, тоже хватило ненадолго.

Баран блеял и кашлял.

В следующую среду, когда муж появился дома, она вместо приветствия закричала:

— Эй, муж, я поняла, зачем ты привел сюда этого зверя: чтобы я умерла раньше времени! Уведи его, или я уезжаю жить к своему отцу!

— Подожди, не уезжай,— сказал Миркамал.— Придумаем что-нибудь.

В тот же день он, решив побывать на могиле своего отца, заехал на кладбище Шигаиддин. Увидев, сколько сочной травы пропадает там без пользы, он сразу же смекнул, что это рай для барана.

Быстро вернувшись домой, Миркамал схватил барана и привел его к могильщику.

— Брат мой,— сказал Миркамал.— Я уже старик. Детей у меня нет. Когда я — если на то будет воля аллаха! — умру, то похорони меня. Никто тебе за это не заплатит: наследников у меня нет. Так вот, этого барана я передаю тебе заранее как плату за мое будущее погребение.

Могильщик отказываться не стал.

Прошло два месяца. Как-то Миркамал заехал на кладбище и не узнал своего барана — такой он стал откормленный, гладкий, а какой у него вырос курдюк!

«Ого, в нем пуда полтора сала! — решил Миркамал.— Пора забирать барашка назад. Это же глупость — отдавать такого красавца за похороны человека, который неизвестно еще когда умрет!»

Он постучал в дом к могильщику:

— Ассалам алейкум!

— Ваалейкум ассалам! Все ли спокойно в твоей жизни?

— Да провались такой покой! — грустно сказал Миркамал.— В кишлаке Капланбек мальчишка заболел корью, я дал ему выпить пол-ложки ртути, а он взял да и умер. За это меня решили выслать из Ташкента. Собирайся, складывай свои вещи и поедем.

— Куда?

— Как куда? В ссылку! Ведь ты поклялся закопать меня, за это получил барана. Где я умру, там и ты должен быть. Как же иначе ты меня похоронишь?

— Тьфу! Сгинь! Провались ты вместе со своим бараном!

Миркамал забрал барана и отправился домой, воспевая хвалу своей хитрости.

Юсуф Цизык Шакарджанов — Юсуфджан-кызыкчи — родился в 1868 году и умер в 1959-м, на девяносто втором году жизни.

Юсуфджан-кызыкчи в своих шутках и аскиях бесстрашно боролся против духовенства, баев, царских чиновников, басмачей.

Вот один из эпизодов его жизни.

МАДАМИНБЕК ХОТЕЛ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ...

Мадаминбек считался самым кровожадным из всех басмачей Ферганы. Он выделялся среди прочих своей волчьей дикостью и лисьим двуличием. Когда он попадал в безвыходное положение, то шел на примирение с Советской властью. Когда входил в доверие, то снова становился коварной лисой и вновь начинал резню, как голодный волк. В конце концов он был застрелен, как бешеная собака.

Однажды, разграбив несколько кишлаков, зарубив и перестреляв множество женщин, стариков и детей, взяв в плен парней и девушек, он вместе со своими приятелями отдыхал, как объевшийся волк, в большой общественной молельне.

— Эй! — крикнул он охране.— Шесть человек в полном вооружении отправляйтесь в Маргелан. Отыщите, где бы он ни был, Юсуфа-казыка и привезите его сюда.

Юсуфа-кызыкчи привезли через три часа.

Желая поиздеваться над знаменитым острословом, басмачи посадили его без седла на тощую кобылу и связали под ее животом ноги Юсуфджана. От бешеной скачки кызыкчи был едва жив.

— Если бы не мои парни,— сказал Мадаминбек,— ты бы не навестил меня. И чего ты добивался, избегая меня?

— Что мне ваши парни! — ответил Юсуфджан.— Я бы с ними не поехал. Но вы прислали за мной вашу уважаемую тетушку.— И Юсуфджан потрепал по шее тощую кобылу.— А вашей родственнице я отказать не мог.

Глаза Мадаминбека стали круглыми, как сливы, чуть не выкатились из орбит.

— Что ты торчишь передо мной, как палка? — нахмурившись, сказал бек.— Ручку от кетменя проглотил? Садись.

— Да вот после подушек вашей тетушки,— сказал кызыкчи, кивая на выпирающие ребра похожей на скелет кобылы,— я уже ни на чём больше сидеть не могу, мой бек.

— Оставь свое пустословие! — приказал басмач.— Вот уже три дня, как на душе у меня темно, хоть я и пытался — ха-ха! — зажигать различные светильники. Ты должен рассмешить меня.

— Где у вас место, которое больше всего чувствительно к щекотке? Давайте пощекочу.

— Хватит глупых слов! Рассказывай как полагается!

У кызыкчи в запасе всегда было много забавных историй, но на этот раз ни одна из них не вызвала у бека даже намека на улыбку. На лице Мадаминбека застыло такое выражение, словно он проглотил тухлое яйцо.

— Прекрати пустые речи! — закричал бек.— Расскажи-ка лучше, что говорят обо мне в кишлаках и в городах!

— Для этого нужна будет длинная лестница,— вздохнул Юсуфджан.

— Лестница? Зачем?

— Принесите — узнаете.

Бек приказал принести длинную лестницу. Кызыкчи попросил приставить ее к молельне и, подобрав полы халата, стал взбираться по ступеням.

— Куда ты собрался? — спросил бек.

— На крышу. Оттуда я буду говорить, чтобы все слышали, как народ хвалит вас и как он за вас молится! — сказал Юсуфджан, продолжая подниматься.

Забравшись на крышу, он внимательно огляделся и вдруг, хлопнув ладонями по ляжкам, заголосил по-женски визгливо, так, чтобы все жители кишлака могли слышать его.

— Горе, мусульмане! Горе нам от сукиного сына Мадаминбека! О аллах, настанет ли день смерти для этого палача?! Эй, дядя-большевик, скорее приезжай и пристрели этого кровожадного зверя! У-у, чтоб глаза твои стали пищей воронов и коршунов! Горе, мусульмане! Горе нам от вора Мадаминбека!

Бек и его бандиты до того растерялись, что первые мгновения сидели, не шелохнувшись.

А с других кишлачных крыш Юсуфджану отозвались десятки голосов, послышались отчаянные вопли, проклинающие Мадаминбека.

Наконец бек пришел в себя и приказал стащить Юсуфджана с крыши. Басмачи бросились к лестнице.

Но в это мгновение со стороны кишлака раздались выстрелы, застучал пулемет, посыпались пули.

Беку ничего не оставалось, как вскочить на коня и вместе со своими бандитами пуститься наутек.

Перевод с узбекского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Рисунки Е. Ведерникова.

Ош-паз — повар. В Узбекистане это не только отличный кулинар, но и обязательно веселый человек.

Фото В. Сваричевского.

А 00157. Подписано к печати 19/VII 1967 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈.

Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1326. Заказ № 2033.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663